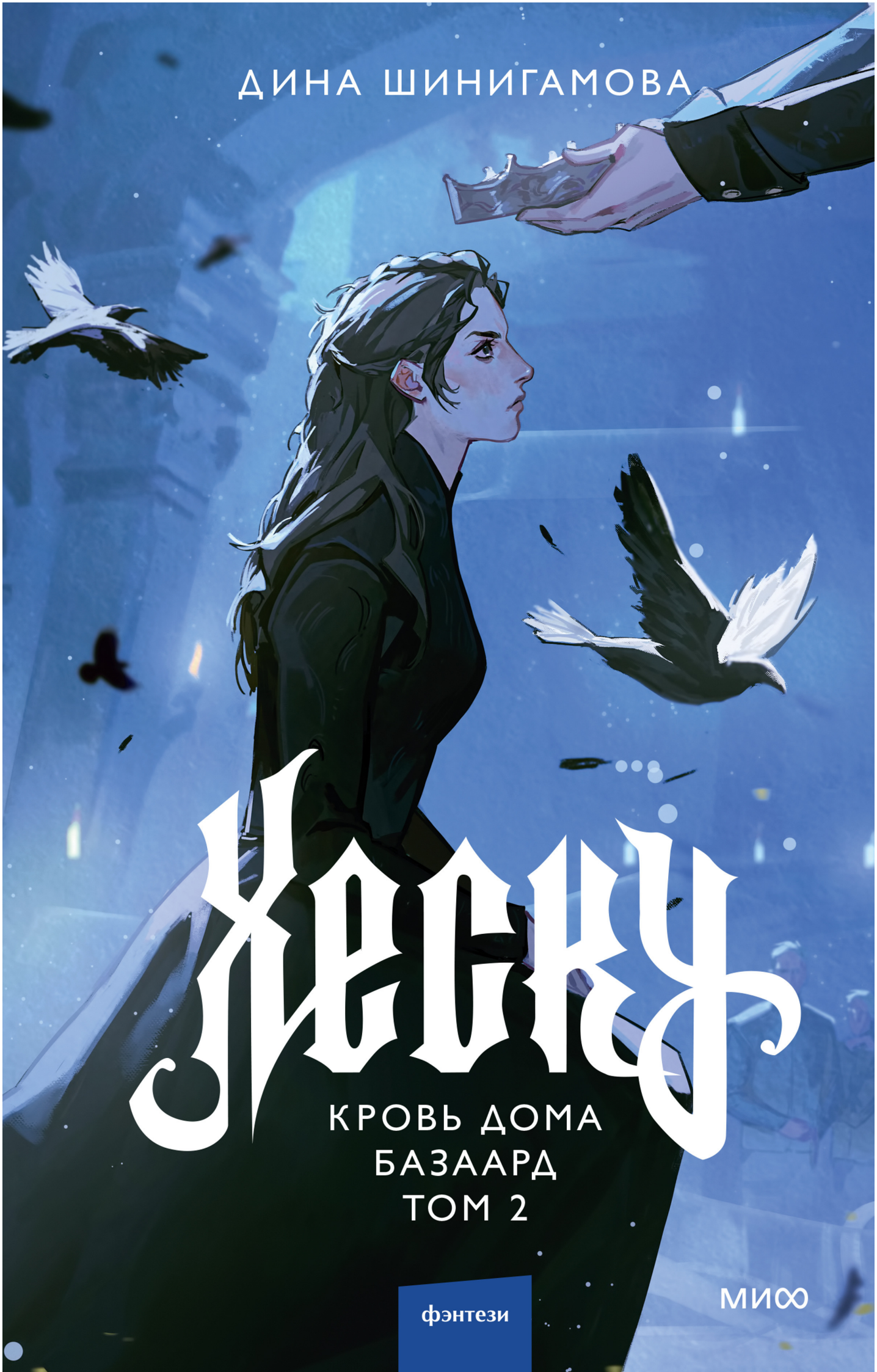

ДИНА ШИНИГАМОВА
ЯСКУ
КРОВЬ ДОМА
БАЗААРД
ТОМ 2
фэнтези
МИФ

МИФ Проза

Дина Шинигамова

Хеску. Кровь Дома Базаард. Том 2

«Манн, Иванов и Фербер (МИФ)»
2025

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос)6-445.13

Шинигамова Д.

Хеску. Кровь Дома Базаард. Том 2 / Д. Шинигамова — «Манн, Иванов и Фербер (МИФ)», 2025 — (МИФ Проза)

ISBN 978-5-00-281363-6

Статус наследницы клана воронов имеет свою цену. Лиан взрослеет в мире живых твердынь, древних чар и жестоких правил, обретая друзей и врагов. В тайны прошлого теперь вписано и ее имя. Все ближе жестокая Игра, чьи правила начертаны кровью, и враги Дома Базаард не преминут воспользоваться возможностью свести старые счеты. Это история про укрытый вечными туманами город и полуразумные замки. Про чары и балы. Про молодого волка и старого ворона. Про безумную Владычицу лисов и могущественный Совет сов. Про дружбу, любовь, месть и непростые решения.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос)6-445.13

ISBN 978-5-00-281363-6

© Шинигамова Д., 2025
© Манн, Иванов и Фербер (МИФ), 2025

Содержание

Дилогия «Хеску» 6
Часть III 8
Конец ознакомительного фрагмента. 38

Дина Шинигамова
Кровь Дома Базаард. Том 2

Дилогия «Хеску»

Добро пожаловать в Сат-Нарем. Тебя здесь никто не ждет

I. КРОВЬ ДОМА БАЗААРД тома 1–2

II. ТЕНИ САТ-НАРЕМА тома 1–2

«Хеску. Глубже в историю»

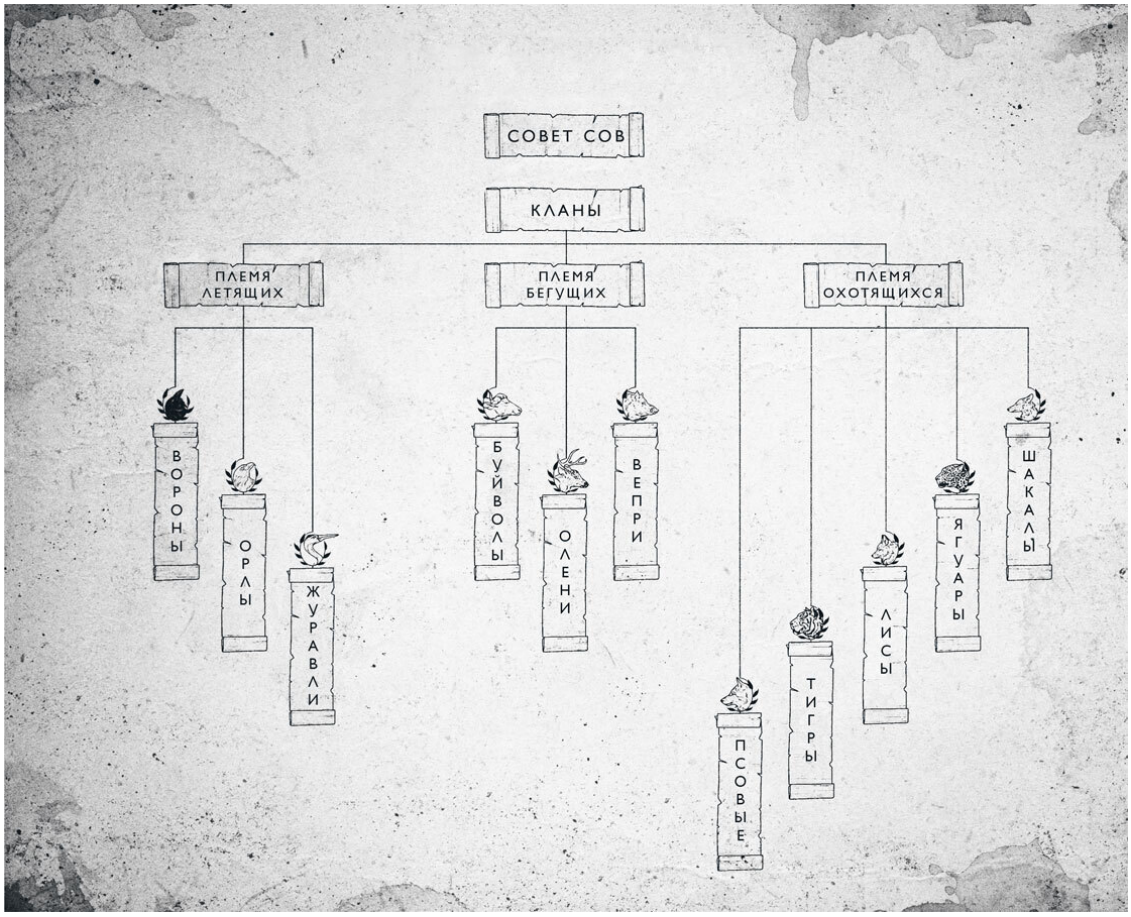
Книга не пропагандирует употребление алкоголя, табака, наркотических или любых других запрещенных веществ.

Согласно закону РФ приобретение, хранение, перевозка, изготовление, переработка наркотических средств, а также культивирование психотропных растений являются уголовным преступлением. Употребление алкоголя, табака, наркотических или любых других запрещенных веществ вредит вашему здоровью.

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

© Шинигамова Д., 2027
© Оформление. ООО «МИФ», 2027

*** * ***

СОВЕТ СОВ
КЛАНЫ
ПЛЕМЯ ЛЕТЯЩИХ
ПЛЕМЯ БЕГУЩИХ
ПЛЕМЯ ОХОТЯЩИХСЯ
ВОРОНЫ
ОРЛЫ
ЖУРАВЛИ
БУЙВОЛЫ
ОЛЕНИ
ВЕПРИ
ПСОВЫЕ
ТИГРЫ
ЛИСЫ
ЯГУАРЫ
ШАКАЛЫ

Часть III

29

Брезгливо передернув плечами, Марет Риттора в сотый раз оглядела темные закопченные стены, узкие окошки с мутными стеклами и кособокий столик, за которым сидела. Она даже не решилась опустить на него руки, боясь испачкать добротную ткань жакета, пусть его и прикрывал широкий черный плащ с капюшоном.

Необходимость выглядеть незаметной Марет претила, но мысль, что кто-то увидит ее в таком месте, как это, претила еще больше.

То, что в богатых кварталах Сат-Нарема называлось местом встреч, здесь, недалеко от владений шакалов, на территории диких хеску, было просто захудалым двухэтажным домишкой с облезлой краской на стенах и темными закутками, отгороженными чахлыми переборками, вместо нормальных отдельных кабинетов. Увидев адрес, Марет сначала глазам своим не поверила, пытаясь в названии «Старый пламень» и кратком описании пути увидеть хоть какие-то знакомые ориентиры. Такие, как она, не спускались с верхних этажей твердынь месяцами, и, хотя Марет понимала, что ни одна из общих комнат на приличествующей высоте для их целей не подходит, мысль о спуске «к земле», тем более в такое захолустье, ее шокировала.

Но она видела цель и шла к ней любыми путями. Даже через грязную забегаловку в пограничном квартале.

В «Пламени» было пустовато – время дневное, тусклый свет слепого неба едва пробивался через унылые окна, большинство диких разбрелись по городу, чтобы заработать свои медяки. Марет осторожно оглядела тех, кого ей было видно. Вот этот долговязый детина с длинными конечностями и пустыми глазами наверняка лось. В отличие от царственных собратьев-оленей они не блистали ни грацией, ни умом. Ничего не хотели и ни к чему не стремились, поколениями прозябая в своей нише чернорабочих. Вот тот старенький мужичок с клоками

седых волос, торчащими из-под засаленного котелка, и с наждачкой белой щетины на впалых щеках явно какой-то мелкий хищник, по глазам видно – должно быть, ласка, или горностай, или куница.

Марет не удержалась и снова передернула плечами, надежно укутанными от промозглости Сат-Нарема в слои дорогой ткани: шелк белья, кашемир платья, тонкой выделки шерсть жакета. С плащом пришлось повозиться, ища самый простой и неприметный, чтобы не выделялся на фоне этой облезлой дыры. Нашелся в сундуке черный лен – остался с какого-то костюмированного бала, когда внезапно решили поставить сценку о первых днях Сат-Нарема, тогда еще просто кратера в земле с бело-голубыми ранами разломов.

Марет опустила голову, пряча лицо под накинутым капюшоном. Здесь до нее никому не было дела, раз заплатила – сиди хоть весь день, и у нее хватило сообразительности выложить на щербатую стойку распорядителя не сверкающий серебряный кругляшок, невиданный в этих краях, а медяк, блестящий как будто бы от многочисленных прикосновений.

Как живут они, дикие? Марет было странно видеть такое многообразие видов в одном помещении. Балы не в счет. Она родилась среди воронов, повзрослела и выросла, черный был ее цветом, ее сутью, плотью и кровью.

Черный и серебряный. Только серебряного должно быть больше, много больше.

Марет на мгновение прикрыла глаза, представляя себе наряд, достойный не главы семьи, а главы клана: черная легкость кружев, шелестящая прохлада шелкового подола и густо расшитые серебром рукава и лиф. Чтобы все знали: она – Владыка. Старый стервец Тиор почему-то пренебрегал своим правом носить больше семейного цвета, и в этом Марет виделась не скромность или сдержанность, а, наоборот, гордыня – дескать, меня и так знают, мне незачем подчеркивать свой статус.

А она бы вот подчеркнула. Ша-Риттора.

Марет так замечталась, что не заметила протяжного скрипа входной двери, и потому, когда на щербатую скамью напротив опустилась фигура, укрытая поношенным серым плащом, вздрогнула от неожиданности.

– Не стоит так переживать, шеру. – В хрипловатом голосе слышалась почти нескрываемая насмешка. – Вы что-то слишком напряжены.

– Место не из приятных. – Марет скривила губы. – Не знаешь, чего и ждать.

Из-под капюшона послышался тихий ядовитый смешок.

– Новых перспектив.

Марет фыркнула, перебирая пальцами веер, – брать его сюда не стоило, дикие веерами не пользовались, но вдолбленные с детства правила этикета велели не складывать руки, а занимать их приличествующим аксессуаром.

– Ближе к делу. – Она попыталась заглянуть под капюшон, хотя и так прекрасно знала, кто там прячется, – поняла по записке, по тону письма, да и в таэбу отчетливо читалась ледяная остринка, свойственная их роду.

– Не любите рассусоливать? – В голосе, казалось, послышалось легкое удивление, но скорее приятное. Да, за Марет закрепилась репутация светской дамы, неукоснительно следующей правилам поведения и легко ведущей пустые вежливые беседы сколь угодно долго, но не когда разговор шел о серьезных делах. – Что ж, я тоже.

Приподнимая край вылинявшего до серости плаща, на стол опустилась рука, а когда она вновь скрылась, на замызганной поверхности остался лежать зеленый дубовый лист.

Брови Марет поползли вверх помимо воли: старый знак предложения совместных дел, если не союза. Она не сдержалась и еще раз заглянула в тьму капюшона – специально или нет, но теперь под ним ясно блеснул изумруд глаз.

Марет крепче стиснула веер, подавляя желание разложить его и обмахнуться пару раз. Она смотрела на дубовый листок, будто под ее взглядом он должен был развеяться, словно морок. Принять лист – принять предложение.

Марет уперла в него край сложенного веера и медленно пододвинула к себе.

– Я слушаю.

Пинит Минселло поправила капюшон, убирая из-под него тьму, делая свое лицо более различимым. На карминовых губах ее проступила хитрая усмешка.

Вести такие разговоры – измена. Одно дело мечтать. Намекать. Приводить логические доводы. Но разговаривать с главой вражеского клана – однозначная измена, и сердце Марет гулко билось в груди под дорогой тканью платья и жакета, под все равно слишком новым и чистым для этого места плащом. Усилием воли она поставила на мысли заслон, не желая выдавать свое волнение лисице и надеясь, что сила ее таэбу позволит это сделать.

– У нас с вами, шеру, есть один общий хеску, чье существование делает нашу жизнь некомфортной, – тягуче начала Пинит. Голос – чистый мед, не зря в человеческом мире лисы ассоциируются с хитростью и коварством. – И я думаю, что нам обеим было бы намного проще, если бы он исчез.

Марет вскинула на Пинит глаза, скептически выгибая бровь. Такие величины, как ша-Базаард, не исчезают просто так, и, если лисица этого не понимает, она просто дура.

– О нет, я не имею в виду ничего такого, – надтреснутым колокольчиком рассмеялась Владыка, – это было бы глупо. Нужно действовать тоньше.

Марет вновь опустила взгляд на дубовый лист, который теперь лежал на самом краю стола. Протяни руку – коснешься.

– Что вы имеете в виду?

Минселло повернулась к окну – беспечно, будто через заляпанные стекла что-то можно было разглядеть. Будто и не заговор они тут плели.

При мысли о последствиях Марет похолодела, но тут же отогнала предательский мороз с пальцев.

– Все должно быть законно, – наконец произнесла Пинит. Размеренно, вдумчиво, будто проговаривала давно заготовленную речь. Впрочем, такие, как она, ничего не делают сгоряча, иначе не смогла бы лисица поднять клан из нищеты и довести его до верхних строчек таблицы.

– Игра? – Марет подпустила в интонации сомнения. – Удачи. Насколько мне известно, – она выделила эти слова голосом, подчеркивая, что ее осведомленности можно доверять, – у Дома блестящие стратеги и тактики, а наследница тренируется день и ночь. Правила вам не обойти, не больше одного покушения в год. Пусть вас и много, но численность здесь вряд ли поможет.

Пинит спокойно кивнула, все так же глядя в окно, и Марет отругала себя за глупость: конечно, лисица об этом подумала и сама, ее замечание сейчас – сотрясание воздуха.

– Дело не в количестве покушений, а в их меткости, – произнесла Пинит, поворачиваясь к Марет и вперивая в нее ледяной огонь взгляда. – И вот здесь мне нужны вы.

– Лиан вступать в Игру через год, – Марет качнула головой с тяжелой крепостью сложной прически, – она будет ждать удара.

– Будет, – кивнула Пинит, – а его не последует.

– Притупить настороженность, дать расслабиться? – Вороница усмехнулась. – Тиор не из тех, кто допустит такое отношение.

– Мне нужно будет лишь знать, когда она отправится с кем-нибудь во внешний мир. – Глаза Пинит лукаво блеснули. – Вот поэтому мне и нужны вы. Сделайте так, чтобы я узнала об этом в течение двух часов. Большего от вас не требуется.

Марет задумалась. На игроков нападали по одному, неважно, в каком мире, хоть и отдавали предпочтение внутреннему. Если потенциальная жертва была с кем-то, это усложняло и нападение, и чистоту ведения схватки: подверженные инстинктам, сторонние хеску могли броситься в Бой, что являлось грубейшим нарушением, губительным и для того, кто вмешался, и для того, кто подвергся непрошеной защите. Все хеску прекрасно знали это, однако стоять и смотреть, как твой друг бьется за свою жизнь, ничего не предпринимая… Это было невыносимо тяжело, и история Игры знала достаточно печальных примеров, так что нападения старались подгадывать на моменты уединения потенциальной жертвы. Никто, конечно, не ходил парами, пытаясь защитить свою шкуру, – понятие чистоты Игры все же существовало, и такое неприкрытое жульничество никому даже в голову не приходило. Если застать Лиан врасплох…

– У вас будет год, чтобы обеспечить поступление сведений, не вызывая подозрений, – продолжала Пинит, видя задумчивость вороницы. – Остальное не ваша забота.

Звучало не так уж сложно. Звучало даже вполне себе выполнимо. Марет знала, что в клане имеет ощутимый вес, и многие представители старшего поколения, в том числе и сотрудники Марака, питали к ней известную приязнь, основанную на благородстве ее происхождения и безупречности манер. С ее связями добыть нужную информацию, к тому же не секретную, труда не составит.

– Зачем мне это делать? – тихо произнесла она, не то чтобы уже соглашаясь, но давая надежду на положительный ответ. – И в любом случае остается Тиор.

– Владыка воронов размяк, – Пинит произнесла это как оскорбление, словно сплевывала горечь с губ. – Вы видели, как он на нее смотрит? С какой гордостью? – Марет кивнула. С появлением наследницы Тиор и правда изменился, особенно в последние годы, когда утвердился в мысли, что спасение найдено и все пойдет своим чередом. – Уверена, потеря последнего потомка его подкосит достаточно, чтобы на какое-то время выбить из колеи. Тогда он станет легкой мишенью.

– И вы завоюете клан, – помертвевшим голосом закончила Марет. Такого не происходило уже давно, почти сто лет. Игра хоть и сохранила свою неумолимость, глобальных перемен в ней не происходило. Никто не вырезал правящий Дом. Никто – кроме Пинит Минселло…

Пинит легко и открыто встретила взгляд Марет, и та, задумавшаяся о схожести их характеров, внутренне содрогнулась: все же массовые убийства были ей чужды. Но именно так поднялись лисы, когда Пинит стала Владыкой, – уничтожили Высокий Дом вепрей. Лисы были бедным кланом, но очень многочисленным, и Пинит неумолимо бросала на острие ритуальных клинков своих родственников одного за другим, пока Высокий Дом Нипка не закончился. Да, это заняло время, да, Дом Минселло поредел, но они получили (и продолжали получать) огромные деньги – половину всех доходов вепрей на четыреста лет. Откуп завоеванных, приправленный лишним веком желавшего сберечь свою жизнь Владыки.

Марет слышала, во внешнем мире его, изгнанного, лишенного Силы, даже не считающегося больше хеску, нашли и убили свои же. За трусость, за увеличение срока оброка, тяжким бременем легшего на клан.

Тиор, конечно, так не поступит. Он же благородный – пожертвует собой, лишь бы не сделать воронам хуже. И все же триста лет – долгий срок. Марет мечтала о власти, но не таким путем, не над разбитым поражением, сломленным, обедневшим кланом.

– Я сокращу срок дани. – Изумрудные глаза Пинит на фоне светлой кожи в россыпи неуместно легкомысленных веснушек блестели почти безумным блеском. – Скажем, лет до пятидесяти-семидесяти.

Марет подавилась воздухом. Пятьдесят лет вместо трехсот?! Дань накладывалась на поколение, и вступивший в права новый Владыка не видел просвета, пытаясь свести концы с концами и надеясь, что хотя бы дети его детей смогут вздохнуть свободно, но при таких сроках у нее появлялся шанс наслаждаться своим положением еще долгие десятилетия.

– Неофициально, конечно, – продолжала Пинит так спокойно, будто они обсуждали погоду. Палец ее чертил на столе бессмысленные завитушки, и Марет невольно обратила внимание, что глава лисов, не имея возможности надеть перстень с клановым изумрудом, не носит на руках никаких украшений. – Для Совета все останется по-прежнему, и еще ваши внуки будут платить моим, но восполнить эту брешь проще простого, поверьте.

Она замолчала, изучающе глядя на Марет. Ни тени беспокойства, ни вуали сомнений, только легкая улыбка на губах и живой интерес в глазах, словно они говорили о предпочитаемых фасонах платьев. Марет, напряженную, как сжатая пружина, просчитывающую риски, внутри трясло крупной дрожью, и даже ладони, внезапно вспотевшие, скользили по ребрам веера.

Она уперла взгляд в дубовый лист, лежащий на столе. Хорошо, что столик их угловой и его никто не видит, – неоткуда было взяться в Сат-Нареме живой зелени, здесь только туман да почерневшие стволы деревьев, полегших от древнего катаклизма, чья древесина ценилась дороже золота. Тот, кто приносил в Сат-Нарем свежее растение, неминуемо имел выход во внешний мир, а это порождало много вопросов.

Слишком много. Вороница с удивлением поняла, что Пинит расставила ей странную ловушку: понимая, что Марет поймет риск такой улики, лежащей прямо на столе, лисица вынуждала ее либо принять лист, либо откинуть, отвергая и предложение.

Хитра, что скажешь, хитра.

Марет сжала губы и вновь посмотрела в лицо Пинит, которое теперь оттеняла выбившаяся из-под капюшона огненная прядь.

Боясь передумать, Марет, забыв о грязи на столе, накрыла дубовый листок ладонью и скинула себе на колени.

Пинит Минселло улыбнулась.

Пинит шла по улицам Сат-Нарема легко. В отличие от Марет, которая стремилась как можно скорее покинуть бедняцкий дикий квартал, Владыка лисов чувствовала себя здесь, среди трущоб и грязи, совершенно спокойно. Неподалеку от нее, в зоне видимости, бежали в истинном облике двое лисов – сыновья, которым она доверяла больше всего.

Ярко-рыжие волосы Пинит надежно укрывал капюшон, и сейчас, в потертом плаще и стоптанных сапогах, она мало чем отличалась от основного населения этого квартала.

Путь был неблизкий: сначала до квартала шакалов, оттуда – через общие территории при твердыне Совета и лишь от богатого рынка у Оухшикафа к себе, в квартал лисов и в Милитику. Там уже можно будет опустить капюшон и гордо вскинуть голову, наслаждаясь вниманием и почтением встречных, уважительными поклонами и слепым обожанием в глазах. Лисы знали, кому обязаны всем. Старшее поколение еще помнило, как жилось при Сипти, отце Пинит, когда лисы в прямом и переносном смысле прозябали в грязи. Тогда, почти двести лет назад, когда сама Пинит была еще только девчонкой, никто не воспринимал их всерьез и в обиходе даже прижилось пренебрежительное выражение «грязный, как лис».

Пинит слишком хорошо помнила те времена.

Сейчас, шагая по извилистым улочкам дикого квартала, смотря, как стоптанные сапоги ступают на выбившуюся брусчатку, перемешанную с грязью, она с извращенным удовольствием вспоминала годы своей юности. Годы, которые провела вот в таких кварталах, одетая лишь чуть лучше, чем уличные детеныши. Бóльшая часть из них донашивала обноски старших

братьев и сестер, а те – родителей, и так по кругу. Самым младшим порой доставалась одежда настолько истлевшая, что через нее было видно немытое тело, и в холодные дни мелюзга предпочитала оставаться в истинном облике, греясь в перьях или меху.

Простая хлопковая одежда Пинит уже становилась предметом зависти только потому, что на ней отсутствовали дыры, а шерстяной плащ – выношенный, старшей сестры – считался невероятной роскошью.

Как и еда, которую она периодически прихватывала с собой из Милитики: рядовые дикие хеску питались картошкой, репой и брюквой – неприхотливыми овощами, которые выращивали во всех твердынях, снабжая неприкаянное население. Свежий помидор или огурец, яблоко или груша – того, что периодически оказывалось на столе Пинит, дикие детеныши не видели никогда, и юная лисичка приносила драгоценные плоды на самые темные улицы, обменивая их на детские сокровища.

С той поры у нее осталась и привычка носить основную массу волос распущенными – на всех женщин Дома Минселло у них была лишь одна горничная, и до младшей дочери Сипти руки у нее доходили в последнюю очередь, когда та, улизнув от не слишком настаивающих на уроках учителей, выбегала в город.

Детей было слишком много, чтобы за ними следить, как и проблем.

Как-то раз – Пинит тогда было лет одиннадцать – она выбралась из твердыни, сжимая в кармане зеленое яблоко с красным боком, и направилась по привычному маршруту к своим городским приятелям. Суетливая толпа у рынка Оухшикафа мало обращала внимания на очередную рыжеволосую девочку, и Пинит получила достаточно тычков от проворных хозяюшек с корзинами, стремящихся набрать свежий товар.

И вдруг все замерло. Толпа как по команде обернулась в одну сторону, засуетилась, уступая дорогу: между лотками торговцев неспешно и величественно, в окружении затянутых в черное рослых охранников шла женщина. Пинит еще никогда не видела кого-то столь прекрасного и двигающегося с такой грацией.

Вороница ступала не торопясь, словно замершая в изумлении и раболепии толпа ее нимало не смущала, словно она вообще была здесь одна. Пинит привстала на цыпочки, чтобы лучше видеть, и, поработав локтями, пробилась в первый ряд.

Черные как ночь волосы были уложены в сложную прическу с обилием кос. Подол черного платья едва заметно покачивался на каждом шагу, вспыхивая россыпью самоцветов, которые извилистыми дорожками поднимались до лифа платья, сливаясь в сверкающее фиолетовое облако. Изящные руки, унизанные перстнями и явно никогда не знавшие работы, были сложены на веере. Большие черные глаза смотрели с любопытством и приязнью, и, куда бы вороница ни обратила свой взор, каждый торговец склонялся в глубоком поклоне, предлагая бесплатно взять фрукты, овощи или зелень.

Она была такой… чистой. Такой сияющей, несмотря на цвета одежды. Пинит закусила губу. Ей тоже хотелось идти по улице вот так, вызывая восхищение и зависть, и чтобы за ней тоже следовали четверо охранников с цветными ромбами на груди.

Когда она поравнялась с Пинит, та ощутила едва уловимый аромат сирени, исходящий от ее одежды, и неожиданно чихнула. В повисшей тишине звук получился оглушительным, и на Пинит мгновенно устремились все взгляды.

Обернулась и вороница.

Пинит уже приготовилась огрызаться, но на смуглом лице женщины – сейчас, вблизи, Пинит видела, что та еще молода, не переступила порог первой сотни лет, – появилась лишь теплая улыбка.

– Привет. – Она остановилась прямо напротив Пинит, элегантным движением махнув следовавшим за ней по пятам охранникам.

Лисица, смутившись от неожиданности, просто кивнула, чем тут же породила в толпе гул недовольства, – что за дерзость?

Женщину, казалось, поведение Пинит ничуть не смутило, и она снова приветливо улыбнулась.

– У тебя очень красивый цвет волос, – произнесла вороница и, потянувшись, пропустила между пальцев огненно-рыжую прядь. – Как тебя зовут?

Пинит вскинула подбородок и чуть выпятила впалую грудь. Может, лисы и бедный клан, но она – член Высокого Дома, и стыдиться ей нечего.

– Пинит Минселло, – гордо произнесла она, глядя воронице прямо в глаза.

Толпа вновь забормотала, но теперь уже с удивлением глядя на лисицу: эта замарашка из правящей семьи?

– А меня – Лимра́т Базаард, – представилась вороница, склоняя голову набок и разглядывая девочку. – Ты очень красивая, ты знаешь об этом?

Пинит опешила. Никто никогда не говорил ей, что она красивая, – не до того было матери, тем более не до того отцу. Да и кто разглядел бы в остром личике с резкими скулами и колкими глазами красоту?

Лимрат оглянулась на раскинувшиеся вокруг лавки и, задержав взгляд на одном из своих охранников, махнула в сторону ломящихся от снеди прилавков.

Ворон тут же подошел к ошалевшему от оказанной чести продавцу, который уже сгребал в добротно сплетенную корзину фрукты: яблоки, груши, персики, сливы.

Когда корзина наполнилась, ворон поставил ее у ног Лимрат и вернулся на свое место – темный и недвижимый, как изваяние.

– Мне кажется, ты много времени проводишь на улице, – проговорила вороница, и Пинит, все еще не совсем понимая, куда та клонит, кивнула. – У тебя наверняка есть друзья среди уличных детенышей? Ну конечно. – Лимрат присела на корточки, положив узкую ладонь на ручку корзины. Подол ее платья опустился в пыль, но вороница даже не посмотрела вниз, нимало не озабоченная судьбой богатого наряда. – Я буду тебе очень благодарна, если вы с друзьями разделите эту корзину. Можешь оказать мне такую услугу?

У Пинит закружилась голова. И от запаха фруктов, который долетел до ее чуткого носа, и от факта того, что высокородная шеру из Дома Базаард просит ее об услуге. Собственное яблоко – зеленое и кислое – вдруг показалось Пинит никчемным огрызком.

Она быстро покосилась на корзину – та просто ломилась от угощений, ее даже нести будет тяжело – и уверенно кивнула.

– Вот отлично, спасибо тебе. – Улыбка вновь озарила лицо Лимрат, осветив глаза. – Я буду рада увидеться с тобой снова, шеру Минселло.

Она двинулась дальше так же спокойно и степенно, и четверо воронов неслышными тенями скользили за ней, пока осчастливленный вниманием продавец продолжал рассыпаться в благодарностях и пожеланиях всяческой удачи Дому Базаард, пересчитывая монеты.

Толпа сомкнулась, мгновенно забыв о маленькой представительнице Высокого Дома, – куда интереснее была хеску богатая, чем бедная.

Пинит подхватила корзину и, отбежав за угол, быстро рассовала часть фруктов по карманам. За две сливы она наняла мальчишку-волчонка донести корзину до дикого квартала, а там уже ее приятели сами стеклись на запах.

Они устроили настоящий пир, и Пинит широким жестом разрешила приятелям забрать часть фруктов домой, чтобы поделиться с братьями и сестрами. Одна девочка – долговязая бледная косуля, постоянно шмыгающая носом, – выпросила у нее даже корзинку, сплетенную из блестящих крашеных прутьев: такой красоты в диких кварталах отродясь не водилось.

Пинит на всю жизнь запомнила тот день: красоту старшей сестры Тиора, ее спокойную ненавязчивую властность, будто весь мир принадлежит только ей; вкус фруктов и сладкий пер-

сиковый сок, стекающий по подбородку; тяжесть корзины в руках и счастье от предстоящего пира; а главное – восторг и безразличие толпы и то, как Лимрат произнесла «шеру Минселло», словно впервые назвав Пинит настоящим именем.

С тех пор прошло много лет. Исчезла в тумане Лимрат, неожиданно для всех спустившаяся к земле в окружении охранников, расширился рынок, называемый в народе Совиным. Но Пинит помнила эти взгляды – так смотрели на замарашку, на бедную девчонку из Младшей семьи.

Она все изменила. Кровью, по́том, смертями, обманом, подкупом – но изменила, и теперь квартал лисов выглядел так же богато, как и квартал воронов, а на Совином рынке можно было увидеть рыжеволосых хозяек, набивающих товаром добротные корзины. Лисы больше не бедствовали, отмывшись от грязи, отучившись смотреть вокруг голодными вороватыми глазами, и знали, кого нужно за это благодарить.

Лисы помнят, лисы знают.

Сейчас, в свете клонящегося к вечеру дня, Пинит шагала по улицам, где прошло ее детство, и посмеивалась над Марет, боявшейся запачкаться, казалось, о сам воздух этих мест.

У кособоких домиков все так же играли чумазые детеныши, поджидавшие родителей с работы, старшие все так же одним глазом следили за младшими, а другим – за ходом игры в «камушки». Время шло, но ничего не менялось.

Обеспечив свой клан, Пинит оглянулась на тех, с кем прошло ее детство, желая помочь и им по мере сил, но помогать оказалось некому: те, что были посноровистее, как-то да пробились в жизни и теперь заботились о себе сами, а менее удачливые ушли в туман, кто лишившись человеческого мышления, а кто пристрастившись к выжанке или Зеленой Соли – дешевой отраве, дарующей кратковременное забытье, но сокращающей срок жизни.

Тогда Пинит поняла одно: чтобы кому-то помочь выбраться, надо, чтобы он сам этого хотел. Львы, например, хоть и считались дикими, уже давно вели себя образцово, избрав единое правление в лице вожака и во всем поддерживая друг друга. Они оказались отличными мастеровыми, и дома богатых хеску полнились резными стульями и скамьями, посудой тонкой росписи и тканными коврами. Медведям буйный нрав мешал заниматься созиданием, но они нашли свою нишу, превратив рукопашные бои в организованный спорт, и зарабатывали на тренировках, ставках, показательных выступлениях и охране.

Кто хотел, выбирался со дна Сат-Нарема, поднимаясь на верхние этажи пусть и не твердынь, но добротных крепких домов.

А кто-то ютился в сырых лачугах, предпочитая искать в грязи стертые медяки и ворчать на несправедливость жизни.

Пинит уверенным шагом приближалась к Милитике, ловя восторженные взгляды и зная, что этот мир принадлежит сильным.

Когда задняя дверь скрипнула, Житóр вскинул на нее настороженный взгляд, нащупывая дубинку под прилавком, – жизнь в диком квартале научила его бдительности.

– А, это ты. – Он разжал пальцы, сомкнувшиеся было на обмотанной кожаными ремешками рукояти. – Что-то рановато сегодня.

Тантари кивнул, уже скидывая потертое пальто, давно приобретшее невразумительный серо-бурый цвет, и бесформенную кепку.

– Смена закончилась раньше, – пояснил он, резко дергая головой из стороны в сторону так, что хрустнули позвонки. – Чего нового?

Житор, все это время не сводящий с Тантари внимательного взгляда, поджал губы. Умом он понимал, что парень задал вопрос просто так, чтобы поддержать разговор, но подозрительность текла по его венам вместо крови. Он уже больше пятидесяти лет держал «Оскал» – клуб, где велись бои. Не совсем официальные. В отличие от медведей, превративших состязания в цивилизованный спорт, которым интересовались даже Старшие семьи, Житор специализировался на кровавых схватках, где в твердый земляной пол втаптывали чужие зубы и самооценку, а участников порой уносили прямо в туман. Деньги здесь крутились нешуточные – желающих сделать ставку было не меньше, чем ставящих на Игру, – а реакция на исход битвы порой выходила из-под контроля.

Тесный холл – косоватые стены, несколько тусклых свечей и прилавок, на котором лежала большая книга со всеми записями, – служил и входом для участников боев, перетекая в крохотную подсобку. А вот за ней открывалась арена – утопленная в земле округлая площадка, отгороженная от амфитеатра сидений толстой деревянной стеной. Выходящие на ринг бились ниже сидящих зрителей, и за места у самого ограждения, там, где видно пот и кровь, Житор драл втридорога.

Выиграть на ставках пытались бедняки. Богатеи приходили за острыми ощущениями, за чужой болью.

Бизнес, наполненный яростью, кровью и деньгами, требовал четкого контроля. За спиной Житора, пусть и неочевидно, стояла парочка лосей – ребят туповатых, но крупных и сильных, куда более внушительных, чем он сам, куница. Обычно охрана отсиживалась в подсобке, незаметная за прикрытой дверью, но готовая выскочить в любой момент.

Бои начинались поздно вечером, когда работавшие в первую смену хеску успевали отдохнуть и пойти искать развлечений, а те, кто пахал во вторую, – обычно разнорабочие всех мастей – заскакивали поглазеть на бой-другой во время перерыва. Житор мог с точностью до минуты сказать, когда повалит народ, а когда подтянутся бойцы, и потому появление Тантари раньше времени его насторожило.

Он вообще его настораживал, хотя очевидных причин тому не было. Наметанный глаз куницы сразу подметил детали, подтверждающие рассказ нового бойца, когда тот только заявился к нему несколько недель назад и предложил свою кандидатуру, но все же что-то тревожило старого дельца. Он даже не мог сказать, что именно. Тантари заявил, что обычно грузит уголь, и на одежде его действительно всегда был слой черной пыли, а с рук не смывался темный налет. Порой он кашлял, даже не замечая этого, а под подбородком и у ушей – там, куда не достать при торопливом умывании после смены, – оставались черные разводы. Глаза говорили Житору, что перед ним действительно грузчик, но внутреннее чутье заставляло оставаться настороже.

Тантари осушил два стакана воды и подошел ближе, оперся о край конторки. Житор покосился на его руки – среди темной паутинки въевшейся в кожу угольной пыли на костяшках просвечивали красные ранки.

– Ты подрался? – Куница кивнул на кисти рук Тантари, и тот быстро опустил их, досадливо поморщившись. – Смотри, если сегодня сольешь бой, потому что повредился раньше…

– Не солью, не бойся. – Парень улыбнулся. – Когда это я его сливал?

Тот нехотя кивнул. Он не знал, к какому виду относился Тантари, путаясь в его скудном таэбу, а тот не спешил рассказывать, наотрез отказываясь переходить к боям в истинном облике. Племя отражалось и в человеческом обличье: лоси и на двух ногах были высокими и нескладными, а медведи – почти квадратной массой мышц и злости, – и Житор предполагал, что Тантари относится к мелким хищникам, как и он сам. Правда же заключалась в том, что Тантари действительно ни разу не сливал боя, – проигрывал, да, бывало, но всегда бился до последнего, вызывая восторженный вой и улюлюканье толпы, взбудораженной его упрямством и яростью.

– Один лось, – привалившись к стене, Тантари потягивал воду, будто дорогое вино, – был неправ. – Поймав взгляд куницы, он коротко хохотнул и подмигнул ему, как бы говоря «ты же понимаешь, о чем я».

И он понимал. Связаться с лосем – дурная идея, и в драку мог полезть только полный безумец, которому гнев и гордыня застилали и ум, и глаза. Но то, что Тантари сейчас стоял на своих двоих, а не валялся в истинном облике где-нибудь в комнатушке, зализывая раны, свидетельствовало лишь о его навыках.

Житор бросил взгляд на карманные часы – неожиданно дорогие, если судить по его облику, но не знать его заработков.

– Шел бы ты погулять, – недовольно буркнул он, – у меня дела еще.

Лицо бойца вытянулось, но ответить он не успел – дверь снова открылась, и внутрь зашли двое, одетые хоть и неприметно, но на порядок лучше, чем все, кто обычно использовал задний вход.

Поздоровавшись с вошедшими, Житор упер тяжелый взгляд в Тантари, не говоря ни слова, и молчал, пока тот, закатив глаза, не оделся и не вышел на улицу.

Житор выложил на конторку последнюю стопочку монет и выжидательно глянул на Тантари из-под кустистых бровей. Парень сидел на низенькой скамье, комично выставив вперед коленки, и, держа в одной руке воду, языком проверял, не качаются ли зубы. На скуле его красовался кровоподтек, собирающийся стать внушительным синяком, губа была рассечена, а левую руку он прижимал к боку, баюкая то ли ее, то ли пострадавшие ребра.

Но он выстоял четыре боя и принес Житору увесистую стопку монет – сегодня куница с удивлением обнаружил, что публика приходит посмотреть не просто на бои, а именно на *его* бои, и это меняло дело.

– Тантари! – крикнул он, всем сердцем желая, чтобы тот побыстрее забрал деньги и убрался, а сам Житор закрыл помещение и отправился в теплую мягкую постель. – Ты последний остался! Не заставляй меня выбирать между тобой и кроватью!

Парень разлепил глаза и ухмыльнулся – выглядело это жутковато: по зубам растеклась кровь.

– Если в твоей кровати нет хорошенькой дамочки, то выбор очевиден. – Он поднялся со скамейки, поморщился, разгибаясь, и подошел ближе. – Ты ведешь дела с букмекерами?

Переход к другой теме был таким резким, что Житор на мгновение растерялся, лишившись дара речи, и тем выдал себя с головой.

Букмекерами назывались лишь те хеску, которые отвечали за официальные ставки в Игре, и, хотя по сути они с Житором занимались схожими вещами, разница между ними была как между драконами и ящерицей. Букмекеры общались только с членами кланов и в диких кварталах дел не вели.

Житор же, за щедрую плату получая информацию, принимал ставки на Игру среди диких, делясь частью прибыли с официальными букмекерами. Теперь он смотрел на Тантари из-под седеющих бровей и думал, не кликнуть ли лосей, чтобы те оглушили бойца и уложили его где-нибудь в канаве. С другой стороны, карман приятно оттягивал выигрыш, полученный исключительно на наглом грузчике, и терять такой источник дохода никак не хотелось.

– Может, мы договоримся? – Тантари подмигнул и тут же поморщился – разбитая скула отдалась болью.

– Мне не о чем с тобой говорить, – отрезал куница, подталкивая к нему стопку монет, – забирай свое и проваливай к луне!

– Эй, спокойно! – Парень сгреб монеты. – Я умею держать язык за зубами! Во всяком случае, пока они все на месте.

Житор записал выданную сумму и захлопнул книгу, давая понять, что разговор окончен.

– Я сказал, проваливай!

– Я просто хотел попросить тебя сделать ставку, – обиженно пробурчал Тантари, кое-как натягивая пальто.

Привычка взяла свое, и Житор буркнул «Какую еще ставку?» прежде, чем понял, как звуки покидают его рот.

– А такую. – Тантари тут же обернулся, подходя ближе, и куница проклял свою несдержанность. – Настоящую! В Игре!

– С чего бы тебе делать ставку в Игре? – Житор прищурился, вглядываясь в лицо Тантари. Подстава? Обман? Серые глаза парня светились восторгом, на губах застыла самодовольная ухмылка. Таэбу его сейчас, после боя, правда, было сумбурным, напоминая перемешанные кусочки разбитой пиалы, но оно и понятно. Не хеску – раскрытая книга. – Тебе что-то известно?

– Возможно. – Тантари дернул бровями. – Согласен на уговор?

В уме Житора запрыгали цифры.

– Откуда дикому может быть известно что-то, что стоит настоящей ставки? – Он подался вперед, опираясь локтями на конторку. Суставы отдались жалобным воем.

– А оттуда, – Тантари тоже наклонился ближе, обдавая старика запахом пота и крови, – что у дикого могут быть друзья.

История в целом выглядела довольно типичной для Сат-Нарема: как и многие дикие, в детстве Тантари познакомился с детенышем из клана. Однако спустя годы дружба эта не исчезла, а пережила социальные различия и укрепилась. Знакомый Тантари происходил из Младшей семьи воронов и теперь работал в почтовом отделе. Пару дней назад он вскользь упомянул, что одно из писем «оказалось не очень хорошо запечатано», и перед тем, как переправить его адресату, любопытный ворон сунул в текст клюв. Послание было адресовано ша-Каэру: мастер Шиин сообщал своему Владыке, что обучил наследницу всему, чему мог, и испрашивал разрешения вернуться в родную твердыню.

– И что? – нахмурился Житор, ругая себя за разговорчивость и чувствуя, как утекают бесценные минуты сна. Стояла глубокая ночь, и кунице отчаянно хотелось обрасти мехом у себя дома.

– А то, – Тантари, придерживая себя за бок одной рукой, другой постучал по конторке, – что, если мастер Шиин говорит, что всему ее обучил, значит, она *хороша*.

– Надежда Воронов? – Житор хохотнул. – Ты правда веришь, что полукровка может чему-то научиться?

– Я знаю, что мастер-журавль один из лучших учителей. – Тантари наклонил голову, выразительно глядя на Житора, и тот нехотя кивнул: имена мастеров Боя были известны всем, кто интересовался Игрой, и Шиин занимал в этом списке одно из первых мест. – А еще я знаю, о чем шепчутся слуги в Мараке. Эта Базаард хороша, Житор! И я хочу на нее поставить!

Куница задумался, пожевав губами. Неужели имя, которым иронично наградили букмекеры полукровку, может стать пророческим?

– До ее вступления в Игру еще почти год, – напомнил он.

Тантари кивнул со знанием дела:

– И тогда коэффициент взлетит. Я хочу сделать ставку на будущее.

– Ишь ты. – Житор прищурился, прикидывая в уме, сколько сможет заработать сам. – Щерба с тобой, я согласен. Но ты десять боев проводишь бесплатно!

– Восемь. – Тантари протянул руку, и куница, сплюнув, пожал ее.

Покинув «Оскал», Тантари медленно побрел вперед. Саднило скулу, ныли ушибленные ребра. Над Сат-Наремом давно распахнулась ночь, и густые клубы тумана, как всегда более плотные в это время суток, не давали ничего толком разглядеть впереди. Погрузившись в мысли, он просто шагал и шагал, пока не понял, что с трех сторон на него надвигаются темные фигуры.

Раздался тихий свист, тут же получивший отклик из-за спины, и Тантари вскинул голову.

Туман расступился, являя троих мужчин: поношенная одежда, лица с грубыми чертами, сальные, давно не мытые волосы. Из-за спины послышалось тяжелое дыхание, явно не принадлежащее хеску в человеческом облике.

– Твою ж щербаную… – выдохнул Тантари, оглядывая наступающих.

– Мы узнали, что кто-то сегодня срубил кругляшей. – Один из них, с темной щетиной на квадратной челюсти, выступил вперед. – Надо делиться с братьями-дикими, не слышал?

Тантари вздохнул.

– Нет, не слышал.

– Ну так вот я тебе говорю. – Мужчина кивнул на руку Тантари, думая, что тот прижимает к боку деньги. – Я знаю, сколько боев ты сегодня выиграл. Молодец, но нас четверо. Отдавай по-хорошему.

Из-за спины послышалось утробное рычание, и Тантари проклял невозможность принять истинный облик прямо сейчас. Мозг его быстро заработал, оценивая ситуацию. Позади остался, скорее всего, кто-то из кошачьих: нападать со спины – их манера. Крупные кошки, не входящие в кланы, стремились вести себя прилично и относились к так называемым благородным диким – значит, это кто-то мелкий.

– Отберите.

Он скользнул влево, пока у стоящих впереди ушло несколько мгновений на то, чтобы принять истинный облик и напасть, и развернулся лицом к кошке. Пума уже прыгнула, и, когда Тантари с размаху ударил ее по горлу, она рухнула на землю, давясь воздухом.

Слева раздалось рычание, и воздух колыхнулся от нового прыжка – Тантари качнулся в сторону, пропуская бросившегося на него корсака. Двое других нападавших остались в человеческом облике и кинулись вперед. Одного Тантари поймал за запястье и, крутанув, отшвырнул на его же собственной инерции. Второй замахнулся ножом – и тут же вскрикнул от боли, роняя его, когда рука хрустнула, столкнувшись с коленом Тантари.

Тот подхватил выпавший нож – и корсак, успевший развернуться и снова кинуться в атаку, напоролся на лезвие боком. Глухо тявкнув, он исчез в темноте. Тантари развернулся, вставая параллельно вытянутой с ножом руке.

Дикий в человеческом облике и отдышавшаяся пума наступали с двух сторон, но уже с опаской, не ожидая такого сопротивления.

– Уходите.

Тантари говорил спокойно, поймав взгляд того из нападавших, который остался на двух ногах, – значит, в истинном облике он слабее, чем в человеческом, и скорее струсит.

Они напали одновременно, собираясь зажать его в тиски. Тантари пригнулся, пропуская удар, скользнул вбок и чиркнул лезвием по щеке мужчины, распарывая кожу от челюсти до глаза. Взвыв, тот отступил. Пума попала по ушибленным ребрам, и на мгновение в глазах Тантари потемнело от боли.

«Похоже, все-таки сломаны».

Воспользовавшись замешательством, кошка потянулась к ногам Тантари, собираясь вонзить зубы в икру, но в следующую секунду будто наткнулась на невидимый барьер. На мгновение она оторопела, не понимая, что происходит, и этого хватило, чтобы сверху на голову ей обрушился удар. Грудой костей и меха пума рухнула на землю.

Стало очень тихо. Тантари понимал, что ему повезло: нападавшие привыкли брать испугом, подавляя количеством, и полученные травмы заставили их отступить.

Шумно дыша и морщась от раскаляющейся пульсации в ребрах, отдающейся болью на каждом вдохе, Тантари огляделся и, убедившись, что никто не собирается нападать на него со спины, зашагал прочь.

Карем Непура оглядел Тито и скептически вскинул густые черные брови.

– И что, оно того стоило?

Поморщившись, тот стянул пальто и повесил его на стоящую в кабинете вешалку.

– Стоило.

Он прошел в смежную с кабинетом комнату и умылся, смывая с себя угольную пыль и кровь.

– Я запустил цепочку слухов. – Тито прислонился к косяку, вытирая руки о белоснежное полотенце и оставляя на нем черно-красные разводы. – К моменту, когда шибет вступит в Игру, они как раз достигнут всех нужных ушей.

Микорда выразительно покосился на разбитое лицо осатэ. Тито прошел к одному из шкафчиков, распахнул дверцу, по-хозяйски перебрал несколько баночек и, наконец выудив нужную, отвинтил крышку. По кабинету разлился запах мха.

Устроившись в кресле напротив стола Непуры, Тито подцепил пальцем зеленоватую мазь и начал обстоятельно замазывать сбитые в кровь костяшки и разбитую скулу.

– Информация должна пройти несколько рук и появиться от надежного источника – так в нее легче поверить. Нельзя просто заявиться к букмекерам и сделать странную ставку – они покрутят у виска и забудут. Это должно быть тайное знание, известное избранным, – ощущение секретности сразу повысит ценность информации и ее достоверность.

Карем только вздохнул. Когда Тито несколько недель назад пришел к нему с этой идеей – убедить участвующих в Игре, что с Лиан лучше не связываться, – микорда только отмахнулся. Кто поверит, что полукровка, тренирующаяся на несколько лет меньше, чем все остальные,

может представлять опасность? По предположениям самого Непуры, в первую очередь стоило ожидать нападения от кого-то слабого, кто решит, что шибет воронов – легкая добыча. Вмешиваться в Игру они не могли, как ни хотелось: на ритуальные клинки Совет накладывал специальные чары, блокирующие Силу участников поединка и каким-то образом фиксирующие происходящее, и кара за нарушение правил была жестокой. Оставалось надеяться, что наследница и правда способна постоять за себя, а не только разгуливать на балах в красивых платьицах.

Но Тито не отставал, упирая на то, что информационная война – тоже война, что в человеческом мире этот метод широко используется и что они тоже должны попробовать. Непура работал с Тито больше двадцати лет и уже успел изучить характер своего осатэ: если он что-то решил, то не отстанет. Самое интересное заключалось в том, что Тито часто оказывался прав в своих предположениях, и Карем со смесью удивления и досады признавал, что ворон мыслил как-то иначе, наизнанку, что часто помогало ему добиться желаемого. Бóльшая часть осатэ действовала лишь по распоряжению микорды и его кураторов, но Тито то и дело заявлялся прямо в его кабинет с какой-нибудь безумной идеей. Иногда Непура думал, что тот, принятый на работу еще ребенком, до сих пор воспринимал свою деятельность как опасное и увлекательное развлечение.

Когда Тито потянулся к кувшину с пиной, Карем, проследив за его движением, поинтересовался:

– Ты вообще в курсе, что это мой кабинет? У тебя свой есть, иди туда. А лучше – отправляйся домой и переоденься.

Тито, держащий в разбитых пальцах пиалу, только отхлебнул пины, словно не слыша начальника. Непура нахмурился.

– Напомни, с каких пор в мои обязанности по отношению к тебе входит кормежка? – привычно проворчал он.

– С моих четырнадцати лет, полагаю, – так же привычно откликнулся Тито, взглянув на микорду поверх пиалы, – когда вы приняли меня на работу, обязуясь заботиться о моем благополучии и поддержании жизнедеятельности, что напрямую зависит от количества и своевременности получаемой мной пищи.

Карем вздохнул, откладывая в сторону перо.

– Риттора, ты иногда меня так бесишь.

– Ну, что же делать.

Предлагая Тито работу, Карем понимал, что проблем от заносчивого вороненка может оказаться столько же, сколько и пользы, но не ожидал, что фактически станет его наставником. Сама идея привлечь на работу детеныша шла вразрез с внутренней моралью осатэ, и потому все поручения Тито получал напрямую от Карема, сохраняя свое времяпрепровождение в тайне от остальных подчиненных микорды. Долгое время он оставался секретом внутри секрета, а когда официально влился в ряды информаторов, каким-то образом продолжил работать с Непурой, игнорируя все промежуточные звенья карьерной цепи. Порой Карем задумывался, откуда Тито добывал сведения, – а порой старался об этом не думать. Первое время он требовал подробный отчет о цепочке, которую прошла информация, но вскоре решил, что не все хочет знать. Данные подтверждались, наводки работали – это было главным. А что стояло за довольной улыбкой осатэ, пахнущего то духами, то кровью, к делу не относится.

Тито зевнул, и Карем махнул на него рукой:

– Иди спи. Утром расскажешь подробнее.

– А вы сами-то спите, шамари Непура? – Тито потянулся, хрустнув суставами, и поморщился от вспыхнувшей в ребрах боли.

– Когда ты не видишь. Иди-иди.

Когда Тито уже взялся за ручку двери, Карем окликнул его:

– Кстати, у тебя с той недели начинается новое задание.

Осатэ вскинул бровь:

– Скажу матушке, что меня повысили до старшего писаря. Она будет так мной гордиться.

Непура фыркнул, тут же замаскировав смех под кашель, – неистовство шеру Марет по поводу бесполезности младшего сына было общеизвестным фактом, а среди осатэ еще и предметом бесконечных шуток.

Дверь закрылась, в кабинете вновь воцарилась тишина, только поскрипывало перо, выводя букву за буквой: «Прошу выделить мне время для аудиенции…»

Баночка с мазью, так и оставшаяся стоять на столе, источала запах мха.

Поднявшись в свои комнаты, Тито наконец позволил себе расслабиться. С лица стекла безмятежная полуулыбка, между бровей появилась озабоченная морщинка.

Вынырнув из секретного коридора, ведущего к кабинету микорды, он по привычке принял истинный облик, чтобы подняться к себе, минуя лестницы, но лететь оказалось неожиданно трудно – каждый взмах крыла отдавался болью.

Горячая ванна и теплая кровать должны были привести его в чувство, и Тито уже направился в спальню, когда на столике у входа заметил письмо. Крафтовый конверт, никакого сургуча – он точно знал, от кого оно пришло.

Усталость брала свое, и Тито, не раздеваясь, бухнулся на кровать, прихватив письмо. Он любил послания Пип, простые и легкие, так разительно отличающиеся от его жизни. Люди ходили в кино и театры, чтобы отвлечься, а осатэ клана воронов общался с молодой волчицей, рядом с которой мог ненадолго забыть, кем является, и прикинуться кем-то другим, открытым и беззаботным. Годы шли, и их отношения почти не менялись: встречи оставались такими же непринужденными, переписка – ни к чему не обязывающей. Иногда Тито задумывался, сколько продлится эта странная дружба – во всяком случае, Пип явно считала его своим другом – и не пора ли ее прекратить. Порой ему казалось, что Принцесса Волков воспринимает их общение слишком серьезно, вкладывая в него куда больше, чем он, но затем Пип со смехом рассказывала про очередного незадачливого ухажера, пытающегося добиться ее благосклонности, и все снова становилось просто, понятно и невинно.

Осатэ в нем видел в волчице идеальный источник информации, лучше которого в клане псовых он не найдет никогда, но ворону отчаянно не хотелось превращать Пип в еще один ресурс, невольно втягивая ее в мир своей настоящей жизни.

Все же он все еще видел перед собой девочку, играющую в захват замка, – только она немного подросла.

31

Лиан обосновалась в двух небольших комнатах на верхнем этаже Марака – из одной сделала спальню, а другую оборудовала под кабинет. Тиор отдал ей весь этаж, но Лиан даже подумать не могла о том, чтобы занять огромное помещение, явно предназначенное для Владыки, или лишь чуть уступающую ему размерами и богатством комнату шибет.

Тогда, два года назад, она ходила из одной двери в другую, гадая, где жила Джабел, – пустовавшие много лет, апартаменты оказались хоть запоминающимися, но по-своему безликими: ковры, яркие вышитые покрывала на кроватях, диваны, помутневшие от времени зеркала, чайные и туалетные столики, яркие подушки, изящные ширмы.

И везде след запустения, слой пыли.

Переходя из комнаты в комнату, ощущая этот замерший, будто стеклянный воздух и остановившееся время, Лиан пришла к выводу, что Марак… грустит. Разлом был его сутью, причиной возникновения, но верхний этаж был сердцем, и твердыня как будто ждала, когда там вновь начнут жить члены правящей семьи, бегать и шуметь будущие наследники.

На попытку Лиан обжить комнатушку – судя по размерам, та отводилась кому-то из младших потомков – Марак отреагировал с настороженной готовностью: со всех поверхностей исчезла пыль, прояснилась гладь зеркала, выросли из стен газовые рожки. Чувствуя себя несколько глупо (но в душе уже ничему не удивляясь), Лиан встала в центре комнаты и мысленно обратилась к твердыне, формируя свои пожелания в максимально четкие образы. На следующий день вместо потолка она обнаружила гигантский витраж, но это уже было кое-что.

Сейчас, спустя время, спальня полностью отвечала ее пожеланиям, став уютным уголком, куда не было доступа даже ее личной горничной.

Кабинет, который вначале Лиан обживала с осторожным восторгом, тоже уже давно стал для нее родным: стены, увешанные пробковыми досками, покрывали записки и кое-как набросанные схемы улиц Сат-Нарема с криво подписанными дополнениями вроде: «За углом отличная таверна» или «Рядом поселение куниц». Прямо над столом – огромном монстре красного дерева с миллионом ящичков и потайных отделений, который прислал ей в подарок Гри, – в аккуратной рамке висел чертеж Джабел, тот самый, который первым выпал из футляра. Именно он подтолкнул Лиан к идее продолжить задумку Джабел и составить карту города.

Распахнув дверь пузатого шкафа, Лиан перебирала человеческую одежду, бóльшую часть которой из чувства непонятного опасения предпочитала хранить на этой стороне Марака. С вешалок на нее смотрели футболки и толстовки, на полках лежало несколько пар джинсов, в углу пристроились кеды и кроссовки. Уставшая от торжественной одежды хеску, при вылазке в мир людей Лиан предпочитала одеваться максимально удобно и незаметно – хоть и сохраняя верность положенным цветам. Обычно она нацепляла еще бейсболку и темные очки, и они с Поро подбирали у Синнерхо Су, каждый раз с восторгом переодевающегося в джинсы и футболку прямо в машине.

При мысли о волке Лиан почувствовала, как внутри что-то сжимается, тяжелое и темное.

Они не виделись две недели.

Лиан казалось, что с памятного дня их знакомства они еще не расставались так надолго. Они сближались, промежутки между встречами становились все короче, она привыкла ощущать его рядом, воспринимать его таэбу как дополнение к своему. Порой Лиан казалось, что так должны чувствовать себя близнецы, а теперь все… закончилось.

Шесть долгих лет дружбы, три года чего-то, чему у Су было название, а у нее – нет.

Так вышло. Так бывает.

Слыша чужие шепотки, витающие в воздухе сплетни, она знала, что пары из разных кланов не редкость, но отношения их всегда окрашены горьковатой конечностью, выданным заранее знанием, что в старости ты не увидишь рядом этого же лица. С самого начала понимая, что все это временно, молодежь хеску просто наслаждалась процессом, не строя планов на будущее и порой цинично шутя, чтобы скрыть подступающую слезами к глазам грусть.

Только не Цуради и Алимио. На самом деле из-за них все и произошло.

Тигр и лисица, умудрившиеся пронести свои отношения через пристальное внимание шеру Латики и давление ша-Ашкараса, рушили все принятые в обществе хеску негласные правила. Для Владыки тигров Су уже давно превратился в ближайшего друга Цуради, с которым тот якобы пропадал каждые выходные, удовлетворяя юношеские порывы в обоих мирах, а вот Алимио Лиан не могла оказать такую же услугу: псовые и тигры хотя бы не были разделены официальным раздором, пусть и не ладили. Лиан даже представить не могла, ценой каких усилий (и, возможно, чар) робкой лисице удавалось скрывать от матери возлюбленного. В последние полгода та закрутила гайки, запретив дочери общаться с «этой разноглазой», и, хотя Алимио ослушалась и здесь, Лиан могла только догадываться, насколько тяжело жилось подруге.

Как ни странно, они действительно стали подругами, удержавшись после резкого отдаления близнецов, вступивших в Игру год назад, после медленно, но неумолимо растущей замкнутости Митана. Орленок хоть и продолжал приходить на встречи, теперь всегда садился чуть в стороне и все больше молчал, косясь на две счастливые парочки поверх исцарапанных уже очков.

Лиан отчаянно хотела ему помочь, но Митан лишь больше замыкался в себе, и она боялась, что очередной попыткой контакта вынудит его вообще покинуть их компанию. Что тогда будет с Митаном, так имеющим хоть какой-то глоток свободы вдали от Колапуту, Лиан боялась предполагать – о крутом нраве Владыки орлов ходило достаточно слухов.

Впрочем, стоило признать, что большинство Владык относились к своим потомкам, не являющимся шибет, с отстраненной прохладцей, и Лиан порой гадала, как бы вел себя Тиор, будь она лишь одной из тридцати его внуков.

Однако это безразличие играло на руку тигру и лисице, разработавшим план побега. Идея была проста: подставиться на Игре, предложить выкуп, получить отказ августейшего родственника платить и в итоге быть изгнанными во внешний мир, где жить долго и счастливо. На взгляд Лиан, эта схема трещала по швам – например, чем они собирались зарабатывать на жизнь, лишенные финансовой поддержки? – но сама отчаянная храбрость влюбленных подкупала, и Лиан, вопреки доводам рассудка, надеялась на какое-то невероятное чудо, пообещав, что поможет осуществить задуманное, как только вступит в Игру. А пока этого не произошло, парочка потихоньку обставляла крохотную квартирку, которую уже полтора года снимала в человеческом мире, и строила планы.

С тихой глухой грустью Лиан изредка позволяла себе признать, что для нее такой путь невозможен, что, какие бы чувства ни связывали их с Су, на ней лежит тяжкое бремя продолжения рода Базаардов, и она никогда не позволит себе предать доверие Тиора и клана.

Возможно, волк чувствовал эту ее мрачную истину и потому никогда не произносил вслух то, что она с легкостью читала в его таэбу.

Они молчали о том, что не могли изменить, пока однажды, вполголоса болтая обо всем на свете в темноте спальни, не заговорили о плане Алимио и Цуради. Лиан, приученная трезво оценивать шансы на успех любого предприятия и подмечать слабые места, вывалила на Су все минусы этой схемы. Да, она переживала за друзей и желала им счастья, но реальность с ее нюансами никуда не девалась. Волк же заговорил с внезапной горячностью, упирая на то, что настоящим чувствам все подвластно.

– Справятся, – махнул он одной рукой, вторую закидывая за голову.

«Да как?! – Лиан даже села на кровати, пристально глядя на Су. – ***Они ничего не знают о внешнем мире! Кататься туда по выходным и жить – разные вещи!»***

– Ой, а как бы мы справились? – фыркнул волк, и риторический вопрос внезапно повис в воздухе.

Су не был силен в таэбу, но годы общения с Лиан в каком-то смысле настроили его на восприятие нее, и мысленная тишина сказала ему слишком много.

– Ты никогда об этом даже не думала, да? – тихо проговорил он, устремив взгляд в темноту за окном.

Лиан промолчала, опустив глаза на нервно сцепленные пальцы.

«Ты же знаешь, я не могу…»

– Да-да, я знаю, ответственность за род! – Су вскочил с постели, сделал несколько быстрых шагов по комнате. В темноте его силуэт казался абсолютно черным, и у Лиан мелькнула безумная мысль, что, если бы это был цвет его клана, все было бы намного проще.

Он остановился ровно напротив окна. Тусклый ночной свет, пробиваясь через витражные стекла, окутал его голые плечи золотистой дымкой.

– Ты… – Он сглотнул, боясь задать вопрос и зная, что не задать его не может. – Если бы ты могла, ты бы хотела?..

Лиан опустила голову, не в силах выносить его прямой взгляд, который она не видела, но чувствовала, едва справляясь с горящим, обжигающим почти до физической боли разочарованием, уничтожающим его изнутри.

Хотела бы она? Она бы соврала, если бы сказала, что никогда об этом не задумывалась, но ответ, смутно проступающий через дымку сомнений, раз за разом оказывался не тем, который стоило бы дать, и Лиан гнала от себя эти мысли – что толку обострять, если это не более чем фантазии?

И все же ответ был. Она любила Су. Еще в детстве став константой жизни Лиан, с годами он и вовсе превратился в ее неотъемлемую часть. Он появлялся каждый день, ночевал в Мараке чуть ли не чаще, чем в Синнерхо, они шли друг к другу с радостями и горестями и знали друг о друге буквально все. Она считала его частью своей крохотной семьи наравне с Тиором, он просто всегда *был* и был ей нужен.

Лиан любила Су. Просто не так, как он ее.

– Хватит смелости сказать это? – глухо спросил волк, и Лиан впервые в жизни услышала в его голосе подобие злости.

Сделав над собой усилие, она подняла голову и, найдя его таэбу, понимая, что, возможно, делает это последний раз в жизни, четко ответила:

«Нет».

Она не могла сказать, в какой момент он исчез. Вот только что стоял напротив, напряженный, такой *свой,* знакомый до последней черточки даже в темноте, – и вот комната пуста. Минуту назад она чувствовала тепло его тела, лежащего рядом, – и вот только медленно остывающая подушка, еще немного пахнущая дождем и солью от его волос.

Он не просто ушел, он исчез для нее, вырвав свое таэбу из ее мысленной хватки, разорвав тот канал, который рос, ширился и *срастался* на протяжении шести лет. Это было больно.

Лиан согнулась пополам, зарываясь скрюченными пальцами в волосы, ненавидя себя за привычку всегда говорить правду, за то, что уже который год закрывала глаза на часть таэбу Су, которую про себя называла солнцем – таким же, как горящее в таэбу Цуради, когда тот смотрел на лисицу.

Она снова и снова, как сломанная пластинка, проигрывала в мыслях их разговор, пытаясь понять, могла ли соврать ему, могла ли ответить «Да», и снова убеждалась: не могла. Она не могла так врать. Не об этом. Не ему.

По мере взросления их компания стала встречаться реже, и сейчас Лиан была этому даже рада: она не представляла, придет ли Су и стоило ли появляться ей самой.

Пустота на месте его таэбу холодила сквозняком, и Лиан чувствовала себя так, будто раз за разом, на каждом шагу натыкается на все углы в доме, потеряв опору и ориентир: она и сама не сознавала, что постоянно тянулась к нему мысленно, даже когда они были порознь. Теперь тянуться было некуда, и Лиан казалось, что у нее где-то незаживающая рана, только она никак не может нащупать где.

Она беспокоилась о нем. Через Каро, который, к его чести, лишь глубоко вздохнул, поняв все с полуслова, Лиан узнала, что Су в Синнерхо только ночует, в остальное время пропадая где-то на темных улицах Сат-Нарема с молодняком псовых. Каро не стал добавлять, что волк почти постоянно пьян и что пару раз до входа в Синнерхо его дотаскивал верный Цуради, там передавая доверенным слугам.

Лиан не афишировала их разрыв. Это было их дело, и она, чувствуя себя виноватой за то, что ей хоть и плохо, но не так, как ему, по мере сил берегла гордость Су. Пип в переписке эту тему не поднимала, и Лиан могла лишь гадать, из деликатности или по незнанию.

Ее дни, отчасти однообразные, но всегда окрашенные радостью их встреч, стали удивительно блеклыми и пустыми, и, стоя на балконе верхнего этажа, вглядываясь в белые клубы тумана, Лиан тосковала – не по любимому, но по близкому другу.

Когда Каро упомянул, что ша-Тобу отправил Лим с дипломатической миссией в Ннуури́ноо́, к оленям, Лиан ощутила вспышку радости. Первой мыслью было, что Су, узнав от матери детали, расскажет, как там все у них обустроено, и, возможно, даже передаст пару сплетен про близнецов. Второй – что этого не будет.

Лиан вдруг осознала, что они могут буквально больше никогда не заговорить. Он не обязан оставаться в ее жизни. Перед ней вдруг развернулась ужасная картина: редкие встречи на полугодовых балах с сухими кивками вместо приветствия, мимолетные взгляды, они взрослеют, он обзаводится семьей, она становится Владыкой… И всё. На этом – всё. Его больше нет.

Никогда.

Ужас обрушился на нее ледяным водопадом, вышибая пол из-под ног, заставляя цепляться за камень перил, чтобы не упасть.

Нет. Лиан сжала зубы. Она и так слишком много потеряла. Их общение началось с дружбы и не может закончиться банальным разрывом. Они не просто влюбленная парочка, они больше чем друзья, они вросли друг в друга за эти годы, а значит, ему так же плохо без нее, как ей без него. И если есть хоть малейший шанс, что Су вернется в ее жизнь, пусть и иначе, она этого добьется.

Отсутствие Лим Монтро казалось удачным знаком: Лиан знала, что мать Су не особенно рада их близкому общению, досадуя, что сын не смотрит на соплеменниц, и думала, что без ее

бдительного ока ей будет проще найти волка и поговорить с ним. А там будь как будет. Будет как должно.

Когда Поро притормозил у невидимой, но ощутимой границы Синнерхо, Лиан на мгновение замерла на сиденье, погрузившись в мысли.

Пальцы ее легли на ручку двери, но Лиан не торопилась ее открывать, скованная внезапным волнением. Сердце билось гулко и тяжело, словно накрытое неведомой тенью.

Тряхнув головой, она выбралась наружу и устремилась вперед по подъездной дорожке, засыпанной желтым песком.

Внутри твердыни псовых было тепло и уютно, пахло хлебом, немного прелыми листьями и костром. Высокие потолки, широкие коридоры, поблескивающий темный паркет – и всюду голоса, шум, смех, возня. В отличие от Марака, в Синнерхо снаружи жили не только члены Высокого Дома, но и просто приближенные Владыки Тобу, и твердыня, казалось, никогда не находилась в состоянии покоя. Псовые ревностно относились к охране своей территории, воспринимая Синнерхо как огромную берлогу с синими стенами и белыми колоннами, но внутри нее не признавали понятия личного пространства, распространяя этот принцип как на членов клана, так и на их друзей.

Двигаясь по коридорам и заглядывая в гостиные, вовсе не имеющие дверей, Лиан успела перездороваться с добрым десятком представителей старшего поколения, даже в человеческой одежде узнавших ее по отпечатку таэбу и разноцветным глазам, и почти оглохнуть от резких хлопков, которым отдавалось в ее сознании удивление прислуги – рваные джинсы и толстовка со скелетом повергала горничных и лакеев в шок.

Синнерхо был совсем другим, не таким, как Марак, – просторнее, светлее. Как и в самих Тобу, ощущалась в нем какая-то расслабленная сонливость того, кому не приходилось обороняться: за восемь поколений правления волки, в отличие от древних Базаардов, ни разу не оказывались в серьезной опасности, – и Лиан, чувствуя это спокойное тепло, погрузилась в свои мысли.

Она впервые шла здесь одна, имея четкую цель, но не направление, и это было… странно.

Вначале она попала в оплот псовых с Су, замирая от восторга и оказанного ей доверия; после если и приезжала одна, то тоже либо проходила дом насквозь, устремляясь в парк, где часто сидела их компания, либо поднималась наверх, где жили Монтро. С тех пор как Тиор подарил ей верхний этаж, Лиан почти перестала бывать в Синнерхо, где дверь любой комнаты в любой момент могла распахнуться под натиском рычащего клубка ушей, хвостов и лап, состоящего из младших отпрысков клана.

Винтовая лестница вела к жилым этажам, и рука Лиан автоматически легла на теплый каштан перил. Сердце забилось быстрее: всего пара минут, и она вновь увидит Су, а там – придется полагаться на свое красноречие, чтобы убедить волка не вычеркивать ее из его жизни.

Лиан впилась пальцами в перила, сжала губы. Нет, она не допустит, чтобы они так глупо потерялись, чтобы все закончилось *вот так*.

С Су было тепло.

Порой он потехи ради появлялся в истинном облике, и тогда сонная Лиан, сквозь дрему протягивающая руки на звук открывшейся двери, утыкалась пальцами в густую шерсть –

прохладную и чуть влажную после путешествия через соединяющий Марак и Синнерхо мост, пахнущую ветром, дождем и солью.

«Дурак,** – отпихивала она мокроносую морду, на которой даже в волчьем облике ясно проступала улыбка, – **животное!»

Су беззвучно смеялся искрами таэбу и забирался на постель, мгновенно делая ее холодной и влажной от своей шкуры, перебирал тяжелыми лапами, нависал, норовя лизнуть Лиан в лицо, словно дурашливый домашний пес.

Она, уже безвозвратно проснувшаяся, открывала разноцветные глаза и смотрела на него с добродушным укором, проводила чуткими пальцами по бархату ушей, зарывалась в шерсть ладонями.

***«Кто мой волчище?»** – улыбалась мягкой, расплывчатой со сна улыбкой, и тогда наконец в воздухе вздрагивали синие росчерки, и Су, склоняясь над ней, шептал на ухо:*

– Я.

Лиан почувствовала, как защипало глаза, и медленно вдохнула, заставляя себя успокоиться. Ей не хватало его болезненно остро, до тупой боли в груди.

– Лиан? – Пип, стоящая на несколько ступеней выше, удивленно приподняла брови. Шелковое голубое платье, расшитое бисером и жемчугом, волосы спускаются на плечи золотистыми локонами – как всегда, идеальна. – Давно тебя не видела!

Лиан как могла беззаботнее улыбнулась, плотнее отгораживая часть таэбу, и сделала несколько шагов навстречу волчице.

«Я за Су, мы собрались в город. – Она неопределенно мотнула головой в сторону выхода. – ***Не знаешь, где он?»***

В голубых глазах Пип вспыхнули озорные искры.

– В Мараке смотрела? – Она на мгновение пустила на губы улыбку и тут же прогнала ее. – Он у тебя ночует чаще, чем дома, Лиан. Я Су уже с неделю не видела…

На последних словах шутливый тон исчез из ее голоса, потому что, глядя, как бледнеет Лиан, как ударом колокола расходится от нее во все стороны тревога, Пип и сама почувствовала, как пальцы ее холодеют, а сердце сжимается предчувствием беды.

32

Лиан пришлось рассказать Пип все – как бы ни претила ей мысль посвящать Принцессу Волков в детали своей личной жизни, но тревога за Су заставила ее засунуть гордость куда подальше. Слушая максимально сжатый пересказ, Пип только медленно кивала, меряя свою

комнату нервными шагами. А когда Лиан запнулась, невольно пытаясь объяснить причины своего решения, остановилась и подняла на нее неожиданно печальные глаза и только головой качнула: «Я понимаю».

Восстановить хронологию удалось быстро, однако в ней зияли серьезные дыры. Пип и так удивленно вскинула пшеничные брови, слушая рассказ о буднях кузена, но Лиан сделала вид, что не заметила немого вопроса.

«Может… загулял?» – со смесью надежды и горечи спросила она.

– Нет, – Пип со вздохом качнула головой, – Су не из тех, кто уходит в загулы. Он всегда возвращается домой, в любом состоянии.

Какое-то время они перекидывались обрывками фраз, строя и опровергая теории, нащупывая план действий. Предложение сообщить об исчезновении отцу Пип отвергла: во-первых, у Владыки и своих забот хватало, во-вторых, пока они не знают точно, во что именно влип Су, не стоит извещать Гри, потому что гнев его может быть страшнее любых неприятностей.

Они старались говорить спокойно и рассудительно, чтобы не раскручивать маховик паники друг друга, но короткие взгляды, бросаемые украдкой то одной, то другой, выдавали их истинное состояние.

В итоге Пип отправилась к боготворящему ее молодняку псовых – выяснять, где и когда они последний раз видели Су, а Лиан вернулась в Марак, чтобы связаться с Цуради.

Нервно расхаживая туда-сюда по балкону и теребя шнуры толстовки, Лиан проклинала неспособность электроники работать вблизи разломов. Как бы просто было сейчас позвонить и услышать пусть и сухой, но ответ, убедиться, что Су жив и здоров – пусть пьян, пусть даже ищет забвения в чужом внимании…

Она круто развернулась, дойдя до края, и вгляделась в белое марево тумана, силясь различить в нем приближающуюся черную точку, – Каро без лишних разговоров полетел в Нитджат-Сар к тигру, увидев тревогу на лице Лиан и почувствовав ее волнение еще до того, как она вошла в комнату.

Обретя человеческий облик в росчерке тьмы, он только качнул головой – Цуради тоже не видел волка уже неделю.

Полчаса спустя Лиан и Пип встретились на мосту, соединяющем их твердыни. Вокруг белый свет медленно становился серым, сгущающийся туман поднимался выше – в Сат-Нареме начиналась ночь.

Пип выглядела подавленной и взволнованной чуть больше, чем готова была признать, – оказалось, что компания, к которой в последние дни примкнул Су, состояла в основном из койотов и пользовалась среди псовых не самой доброй славой. Они часто проводили время на улицах города, считая «крутым» шататься по злачным местам в диких кварталах. Последний раз (да, снова неделю назад) они видели Су в «Дикой Луне» – мрачной и грязной таверне на границе с поселением куниц, где кутили до поздней ночи. Су остался допить бутылку вина и обещал нагнать их позже. Тому, что он больше не появился, компания не придала значения – привычка волка кучу времени проводить в Мараке давно стала предметом беззлобных шуток.

Лиан слушала Пип с какой-то заторможенностью, рассеянно глядя, как вдалеке твердыни и мосты между ними исчезают в сизых клубах. И только когда волчица замолчала будто бы на полуслове, заметила короткую вспышку тревоги в ее таэбу.

«Что ты не говоришь мне?»

Пип, все в том же платье, выглядящем теперь неуместно праздничным, зябко передернула плечами под серым плащом.

– Есть еще кое-что… – Она замолчала, отводя глаза, и это настолько не свойственное решительной Принцессе Волков движение заставило внутренности Лиан завязаться узлом. – Блик.

Мост пошатнулся под ногами Лиан, и она вцепилась в каменные перила, чуть не смахнув с них Каро, замершего между девушками в истинном облике.

Бликом называли дурманящее вещество, более дешевая и грязная разновидность которого, Зеленая Соль, давно уже стала бедой диких кварталов. Соль была отвратительна на вкус и действовала как удар молота, вырывая хеску из реальности на несколько долгих часов – а порой и навсегда. Откуда она пришла, никто не знал, и Совет вместе с Владыками по мере сил боролся с ее распространением, но не слишком усердно, полагая, что каждый сам в ответе за свою жизнь и смерть. Блик появился несколько лет назад – более легкий, дорогой и, казалось, менее вредный. Он стремительно распространился среди бездельничающей молодежи Старших семей, которая могла выложить за маленькую бутылочку с зелено-черными крупинками сотню золотых монет. Владыки в кои-то веки выступили единым фронтом: за употребление следовало жестокое наказание на усмотрение каждого клана, но за распространение любого, даже самого знатного хеску обещали изгнать в человеческий мир, лишив всякой поддержки. Несмотря на усилия, пока что никто не попался, хотя один шакаленок уже был выведен на площадь у торговых рядов Оухшикафа и прилюдно выпорот.

Пип, чтобы добыть эту информацию, пришлось в прямом смысле приставить нож к горлу одного койота, чей панический страх в таэбу она ощутила, заговорив о Су. В обмен на правду она пообещала не сдавать койотов отцу, когда они поклялись всем на свете, что пробовали всего пару раз и никогда не продавали.

Сообщать о пропаже Су Владыке в таком контексте было уже совершенно точно нельзя: ша-Тобу был известен вспыльчивым нравом и мог вышвырнуть всех из Сат-Нарема, не особенно вдаваясь в детали.

– Они утверждают, что Су пробовал только раз, но теперь понятно, почему они забрались так далеко от Синнерхо. – Пип вздохнула, с силой проведя руками по лицу. – Ясное солнце, во что же он влип…

«И где может быть…» – добавила Лиан, все еще оглушенная тем, что Су – ее Су! – связался с койотами, которых всегда презирал за двуличие и изворотливость.

– Он не пересекал Порог, – Пип качнула головой, – это я знаю точно.

Они встретились взглядами и одновременно повернулись, оглядывая бесконечное пространство города, раскинувшегося по обе стороны от моста. Где-то там, в тумане, был Су.

«Дикая Луна» оказалась хрестоматийно злачным местом – покосившимся одноэтажным зданием без вывески, с парой мутных окон, и, если бы не горящий у входа обязательный факел, его бы вообще можно было не заметить.

Территория куниц всегда считалась одной из самых неблагополучных в Сат-Нареме – по природе своей эти хеску были склонны к воровству и обману, что мешало им найти хоть сколько-то приличную работу, а следовательно, и подняться с самого дна.

Лиан, сменившая человеческую одежду на одолженные у Нит простое серое платье и плащ, осторожно оглядывала мрачные черные домики, чьи стены казались блестящими, словно промасленными, кособокие узкие мостики, перекинутые через провалы в земле, и кривые улочки с проплешинами выбитой брусчатки.

По совету Пип, тоже переодевшейся в менее дорогой наряд и спрятавшей приметные волосы под капюшоном, она навела на себя чары, меняя цвет глаз на одинаково голубой, – этот фокус давался ей довольно легко, но требовал постоянного внимания и некоторых усилий.

Они осторожно шли среди наступившей ночи, всем существом ощущая: им здесь не будут рады, их не пощадят, их положение принесет только проблемы. В погустевшем и опустившемся ближе к земле тумане тускло светились точки факелов на домах – чугунные фонари с размытым газовым светом остались далеко позади, в более богатых кварталах. Лиан ощущала, что даже Пип здесь не по себе: волчица то и дело оглядывалась, косясь то на семенившую

чуть позади в истинном облике верную Нит, то на Каро, кружившего над их головами. Обе натренированные для Игры, Лиан и Пип были способны постоять за себя и даже справиться с двумя-тремя подвыпившими мужчинами, но дикие кварталы могли таить в себе куда более серьезные сюрпризы.

Распорядитель «Луны» – неприятного вида старик в одежде настолько грязной, что засаленные рубашка и жилет казалась единым целым, – ничем им не помог, несмотря на блеснувшую в пальцах Лиан серебряную монету. Богатый молодой волк? Да, был, да, пил, ушел через час после койотов, и забери их всех солнце, много шума – мало толку.

Пип понимала, что койоты взяли одну бутылку на всех, чтобы растворить в вине Блик, и облегченно выдохнула, когда старик добавил, что, если бы не волк, отдельно уговоривший три бутылки вина и прихвативший еще одну в дорогу, он бы их и вовсе выгнал.

Однако больше никакой информации не последовало, и «Луну» они покинули более подавленные, чем были до. Сделав несколько шагов от таверны, они остановились, обдумывая, что делать дальше.

Каро опустился на покосившийся забор, отмечающий границу чьих-то владений, и вопросительно наклонил голову, Нит села на землю рядом с ним, аккуратно подобрав лапы и поглядывая на свою госпожу. Беспокойство обоих спутников тянулось в таэбу тонкими промозглыми нитями.

Лиан, во время всего разговора хранившая полное молчание, чтобы не привлекать к себе внимания, со всей силы пнула подвернувшийся под ногу камень.

«Не могу поверить, что он связался с Бликом! – Она развернулась к поникшей Пип, злостью вытесняя тревогу. – ***Это каким же надо быть идиотом?!»***

– Очень несчастным? – Волчица вскинула на нее голубые глаза, ставшие на мгновение настолько холодными, что Лиан задохнулась от окутавшего ее ощущения железистой неприязни.

Пип смотрела прямо, не отводя взгляда, и, хотя слова вырвались у нее под влиянием момента, отказываться от них она не собиралась.

«Так ты винишь меня?» – Лиан вскинула подбородок и сжала кулаки. Сейчас ей было плевать на размолвку, больше тревожило, что, поссорившись с волчицей, она потеряет союзника в поисках.

Помолчав несколько секунд, Пип все же качнула головой, чуть расслабляясь и растворяя каменную стену дистанцированности.

– Нет, – она поправила спадающий капюшон, – нет. Если Су взял Блик, это был его выбор, а не твой.

Она хотела добавить что-то еще, но тут из припорошенной туманом темноты на другой стороне улицы донеслись тоненькое рычание и шум начавшейся драки. Через мгновение из тумана выкатился рычащий и повизгивающий клубок из трех тел: двух в истинном облике и одного в человеческом. Чуть не сбив Лиан с ног, он распался на детенышей: куницу, опоссума и чумазого взъерошенного мальчишку в оборванной грязной одежде.

Отскочив в сторону, Лиан привычно прощупала их таэбу, как делала всегда, встретив живое существо, и в раскрывшимся без какого-либо сопротивления сознании всех троих ощутила отпечаток недавнего сильного переживания, граничащего со страхом и зудящего слишком медленно заживающим порезом.

«Спроси их!» – стремительно кинула она Пип, доставая из кармана серебряную монетку.

Все трое, уже готовые было дать деру, пока не влетело, тут же замерли, вперив в блестящий кругляшок три пары черных глаз.

– Привет. – Пип, не задавая лишних вопросов, медленно опустилась на корточки, становясь одного роста с мальчишкой. – А вы тут часто бываете?

Он шмыгнул носом, потер его грязной ладошкой и покосился на друзей.

– А что?

– Мы кое-кого ищем. – Волчица оглянулась на Лиан, давая понять, что они с обладательницей монеты заодно. – Вдруг вы видели?

Детеныши, до этого держащиеся настороженно, но спокойно, разом напряглись, и Лиан почувствовала всколыхнувшееся в них беспокойство.

– Мы ничего такого не видели! – Мальчик сделал шаг назад, бросив быстрый взгляд на монету. – Нас тут вчера вообще не было!

«Вот оно!»

Пип наклонила голову, стараясь не выдать своего волнения, и подмигнула мальчику, как бы говоря: «Попался, дружок?»

Куница зашипела и несильно тяпнула мальчишку за босую ногу, досадуя из-за его оплошности.

Лиан ощутила намерение сбежать в таэбу мальчишки за мгновение до того, как он начал разворачиваться, и, вскинув руку, скрестила пальцы, заставляя его запутаться в собственных ногах. Детеныш рухнул на землю как подкошенный. Явно никогда не сталкивавшийся с чарами, доступными лишь аристократии, живущей в твердынях, он взирал огромными от ужаса глазами то на Лиан, то на свои ноги, которые внезапно его подвели. Куница и опоссум брызнули в стороны, исчезая в темноте.

Лиан сделала шаг вперед, закрывая собой свет от факела, и, сметая хрупкие стены его примитивного восприятия, спросила, надеясь, что это как-то связано с Су:

«Что ты вчера видел?»

Глаза мальчишки расширились еще больше, хотя казалось, это невозможно. Как и все дети, он был привычен к таэбу больше, чем взрослые, но общался импульсами и короткими понятиями типа «смотри», «беги», «есть», и ясное длинное предложение Лиан оказалось для него слишком сложным. Он понимал, что она говорит, но для него ее обращение звучало не просто вопросом, а оглушающим криком – оглушающим не громкостью, а сложностью структуры и высотой частоты.

Пип, вскакивая на ноги, дернулась к Лиан, желая ее остановить, но тут мальчонка, принявший непривычные ощущения в сознании за угрозу жизни, сдался:

– Я все расскажу, только не убивайте меня!

– Никто тебя убивать и не собирался, – Пип говорила как могла мягко, бросив на Лиан укоризненный взгляд.

Та, на мгновение замешкавшись, постаралась изъясняться проще. Это на балах считалось приемлемым только сложное слитное таэбу, и сейчас Лиан пришлось вспомнить, с чего она начинала.

Она выудила из кармана еще две монеты и как могла осторожно передала:

«Каждому. По одной. Что видели? Скажите».

Мальчишка, снова шмыгнув носом, сел на земле, не сводя взгляда с серебра, – такого богатства он мог не увидеть за всю свою жизнь. Тусклый свет факела едва касался его чумазого лица и простой рубашки, кое-как зашитой на груди. Он оглянулся куда-то в темноту себе за спину, и через мгновение по бокам от него появились куница и опоссум, ступающие осторожно и будто бы пристыженно.

– Лучше всего видела *О*мра, – мальчишка кивнул на куницу, – но так испугалась, что как вчера обратилась, так теперь и не может вернуться.

Он замолк на мгновение и, когда Лиан щелчком отправила монету ему на колени, выдохнул:

– Вчера живого унесли за стену. В туман.

Это был клубок из обиды, боли и злости, и Су не знал, чего в нем больше.

Он злился на себя: за то, что задал этот дурацкий вопрос, за то, что столько времени был слеп, не замечая разницы. За то, что теперь так переживал.

Злился на нее – только за что именно, понять не мог. За честный ответ? За то, что относилась к нему не так, как он к ней?

За то, что ему ее так не хватало?

И злился на них обоих, на себя и на Лиан, за то, что так сблизились за эти годы, и сейчас он терял не только девушку, но и лучшего друга и не знал, кого ему недостает больше.

Су разбил кулаки о стену, но физическая боль не заглушила полыхающий внутри пожар, выжигающий чувства и мысли, и поэтому он уже неделю тушил его, как мог. И чем мог.

Су возненавидел ясность мышления и всячески ее избегал. Он никогда не любил состояние опьянения – юношеские эксперименты не в счет, – но теперь опускался в него, как в озеро при твердыне, с головой.

Доплетался до постели в Синнерхо и старался заснуть до того, как память подсунет очередную картинку.

Лиан смеется.

Лиан роняет его на траву только что выученной подсечкой.

Лиан протягивает к нему руки в темноте, и он забывает обо всем, чувствуя на шее прикосновение тонких пальцев.

Порой хотелось поговорить с кем-то, посмеяться горько и невесело, усмехнуться: «Ну не дурак ли?» – но гордость мешала.

Да и не с кем было.

Оказалось, что в клане нет никого, кто был бы достаточно ему близок. Пип разве что, да и то не столько близка, сколько похожа, тоже с какой-то трещиной, с лишним изгибом, мешающим идеально вписаться в общую мозаику псовых.

Он связался с койотами, которых раньше презирал за праздность и склочность, – какая разница с кем, лишь бы не одному. Пару раз кто-то пытался сделать его время веселее, но он снова и снова сгонял с колен назойливых хеску, не выносящий воспоминаний о прежнем тепле, но не готовый ощутить новое.

Когда его позвали в «Дикую Луну», название которой говорило само за себя, Су только плечами пожал – дикая так дикая.

Сквозь ледяной туман сиолового вина, количество которого уже должно было бы заморозить ему кости, он увидел пару маленьких бутылочек с темно-зелеными гранулами и с некоторым опозданием понял, что это. Прикрыл свой бокал рукой, когда зелье посыпалось в ста-

каны, а позже, когда истерически хихикающие от Блика койоты собрались уходить, внезапно решил остаться.

Захотелось побыть одному.

Потом была еще одна бутылка, в компании которой он вывалился на улицу. Разбитая дорога качалась под ногами, туман серел перед рассветом. До Синнерхо было неблизко, и Су, оглядывая лежащий перед ним путь, впервые за эти дни вдохнул всей грудью, чувствуя привкус изморози на языке.

Гнев постепенно отступал, хотя где-то в глубине еще болело, ныло старым синяком.

Пошатываясь, Су побрел вперед, придерживая бутылку за горлышко двумя пальцами, но уже не отпивая, а просто покачивая в такт шагам.

Туман стелился под ноги, словно визуальное воплощение окружающей тишины, редкий час в Сат-Нареме, когда ночные хеску уже спали, а дневные еще не проснулись.

Казалось, он был один во всем мире. И это оказалось хорошо.

До Синнерхо можно было добраться разными дорогами, и Су выбрал ту, что длиннее, – неожиданная пустота окружающего города подействовала на него исцеляюще, и это ощущение не хотелось обрывать.

Попетлял по улицам, перешел пару наземных мостов, дивясь масштабам Сат-Нарема, его грандиозности, которую оттуда, с верхних этажей твердынь, не разобрать, не увидеть и которую он сам, кажется, заметил впервые в жизни.

Вывернул к границе, которую не видел уже много лет. Да, детьми, еще до того злополучного бала, они с молодняком бегали сюда: постоять в тумане, пощекотать нервы, до первого витка головокружения, до первого удушья паники. Но тогда ограда была ему чуть ли не по макушку, и они подсаживали друг друга, устраиваясь потом на верхушке каменной стены, храбро свешивая ноги в туман.

Теперь каменная кладка не доставала и до плеча, и Су привалился к ней, поставив рядом бутылку с так и недопитым вином, и уставился в туман, позволяя мыслям течь своим чередом.

Когда в белой пелене показались какие-то фигуры, Су сначала подумал, что все-таки допился до галлюцинаций или кто-то из койотов шутки ради кинул Блик ему в бутылку, когда он отвернулся. Но фигуры не исчезали и даже сквозь густые белые клубы выглядели вполне реальными и четкими. Хуже того – они переговаривались.

Су попытался разобрать слова, но те глушило расстояние и влажный воздух, доносились только невнятные обрывки звуков.

А потом туман расступился. И фигуры обрели четкость.

Секундное замешательство – и его, и их, пятерых рослых мужчин, сжимающих в руках непонятные чемоданчики. Короткий крик приказа.

…Если бы Су был трезв, возможно, он бы отбился. Или принял бы истинный облик и убежал. Или хотя бы вырвал кому-нибудь кусок мяса, впившись в тело острыми как нож зубами.

Но Су все еще был пьян, и потому его слишком быстро одолели, обездвижили, связали, уложили на землю – и наступила тихая спокойная темнота.

Иногда он приходил в себя – чувствовал, как затекли связанные руки и ноги, как раскалывается голова, хуже, чем с любого похмелья, – но стоило моргнуть пару раз или издать хоть какой-то звук, как чьи-то руки запрокидывали ему голову, вливали что-то в рот, разжимая зубы, и тьма возвращалась: вязкая, плотная, абсолютная.

Вывернутые плечи ломило от удерживающих его веревок, глаза резало от малейшего движения – один раз ему удалось оглядеться сквозь щелочку ресниц. Каменная комната, два длинных деревянных стола и куча стеклянной посуды, от колб до труб. Он бы разглядел больше,

но неудачно закашлялся – пересохшее и опухшее горло дало о себе знать, – и к нему тут же подскочил кто-то в закрывающей лицо повязке, дернул за волосы, закидывая голову, и снова навалилась темнота и небытие.

Пару раз он слышал голоса – гулкие, неразборчивые, – но, была то реальность или детали обеспеченного кем-то бреда, Су не знал. Только, казалось, различил беспокойные интонации и чей-то командный тон, показавшийся смутно знакомым, да резкий трескучий смех.

А потом – он не знал, сколько времени прошло, – его подняли и куда-то понесли. Су то приходил в себя, то снова отключался, убаюканный мерной качкой шагов, силясь вырваться из сонного дурмана, но тело одеревенело, отяжелело.

Голоса стали четче, сквозь резь в глазах просочился темный свет сат-наремской ночи – звездной, но безлунной. И туман. Много тумана. Слишком много для города.

Он задергался, замычал, пытаясь вырваться, но веревки держали крепко. Он извернулся, слепо лягнул кого-то, но тут же получил удар, от которого снова провалился в темноту.

Су пришел в себя на земле, холодной и жесткой. Вокруг разлилось белесое марево – по-ночному серое, вязкое, тянущее к нему свои щупальца. Он дернулся, пытаясь пошевелиться, но веревки впились в тело. Вдохнул и закашлялся, ощущая, как туман залепляет опухшее горло. Попытался сесть, но тело, ватное, словно чужое, не слушалось.

Су прикрыл глаза, давая себе время собраться с мыслями, понять, что происходит и что ему делать дальше.

А потом веревки вдруг ослабли и соскользнули с него, стоило только встать и встряхнуться. И туман, плотно обступивший его, проникающий в кожу, свербящий в носу запахом соли и дождя, перестал казаться таким враждебным и опасным.

Су переступил с ноги на ногу, задрал голову к небу и завыл, выплескивая в этот вопль всю боль, причин которой серый с черным волк уже не помнил. Как и себя самого.

Раз-два,
Твердит молва:
Кто ушел за Порог
И вернуться не смог,
Тот, кто канул в разлом,
Позабыл про свой дом,
Тот – Ходящий-В-Ночи,
И, кричи не кричи,
Он тебя заберет
И в туман унесет.

Детская считалочка

Омра тряслась как осиновый лист, зажимая себе рот руками, чтобы не заорать от страха.

Они с Пуруком и Митли привыкли играть по ночам, пока родители не видят и не могут отвесить подзатыльник, занятые своими делами, про которые лучше не спрашивать. Они были ночными хеску – куница, опоссум и мангуст – и привыкли держаться вместе, надеясь не попасться кому-то из крупных хищных собратьев типа гиен.

Развлечений было не так уж много, и детеныши по древней традиции, передающейся от поколения к поколению уличной ребятни, отправились к границе города – поглазеть на ядовитый плотный туман и постоять в нем, щекоча нервы друзьям и чувствуя себя бесконечно храбрыми.

– …Он тебя заберет и в туман унесет. – Грязный палец Митли с обгрызенным ногтем указал на Омру, и она перекинулась в человеческий облик, прекрасно зная, что в истинном в туман соваться – самоубийство.

Пуру́к, уже успешно отстоявший за границей до тридцати, подмигнул ей, то ли подбадривая, то ли, наоборот, дразня. Он привалился к камню стены, с готовностью сложив руки ступенькой, чтобы Омре было проще забраться наверх, всем своим видом демонстрируя превосходство бывалого храбреца.

Чтобы сбить с приятеля спесь, Омре надо было продержаться в тумане хотя бы до тридцати одного, и она со вздохом опустила ногу на подставленные ладони.

И, оказавшись наверху, увидела Тех-Кто-Приходит-В-Ночи. Несколько черных фигур, ровным шагом несущих какой-то тюк, шли сквозь туман, словно он не представлял для них никакой опасности. Омра замерла, распластавшись по верхушке стены, не в силах пошевелиться, и только расширенными от ужаса глазами следя, как Ходящие-В-Ночи все приближаются. Снизу послышались насмешливые голоса друзей, подшучивающих над ее нерешительностью, но вспышка почти первобытного страха, скользнувшая от нее по таэбу, мигом заставила их притихнуть.

Черные силуэты замешкались, и Омре на секунду показалось, что они увидели ее, что сейчас схватят и уволокут с собой, но они сгрудились вокруг тюка.

И когда один из них отошел чуть в сторону, Омра увидела, что и не тюк это вовсе, а кто-то живой, судя по тому, как он бился и извивался. Синяя с черным одежда, темные волосы. Ходящий ударил его, и несчастный замер, обмяк. Черные силуэты вновь подхватили тело и, развернувшись спиной к границе, углубились в туман, напоминая похоронную процессию.

Омра смотрела не мигая, как растворяются в белесых клубах черные силуэты и как тот, кого они несли, вдруг снова начал биться и извиваться, пока его не скрыл туман.

– Щербаная луна… – выдохнул рядом Пурук, ошеломленный зрелищем не меньше, чем сама Омра.

Стоило Ходящим скрыться в тумане, как он легко соскользнул на землю (и как только забраться смог?), а Омру сковало такое оцепенение, что она перестала чувствовать руки и ноги, и друзьям в прямом смысле пришлось отцеплять ее от стены и опускать вниз. Оказавшись на твердой поверхности, Омра пару раз моргнула и, почувствовав, как в груди зарождается вопль ужаса, приняла истинный облик, в котором и так предпочитала находиться большую часть времени.

Как ни пытались Митли, которая ничего не видела и потому очень расстроилась, и Пурук ее успокоить, Омра словно застыла в этом мгновении – черные фигуры Ходящих-В-Ночи и отчаянно бьющийся в их руках *живой* хеску.

– Сине-черная одежда? – переспросила Пип, с тревогой глядя на Лиан, которая во время рассказа детенышей смертельно побледнела.

Она покачнулась, и Каро, слушающий ребят с крыши «Луны», тут же подхватил ее, метнувшись вниз и приняв человеческий облик.

Увидев дорогой наряд ворона, детеныши разинули рты от изумления, на время позабыв, о чем говорили, но под его серьезным взглядом быстро взяли себя в руки.

– Да. – Пурук покосился на куницу, и та несколько раз кивнула треугольной мордочкой. – Темно, конечно, было, но Омра хорошо видит ночью.

Лиан прерывисто вдохнула, сдерживая эмоции, и обернулась к приобнявшему ее Каро.

– Во сколько это было, можете сказать? – спросил ворон, отводя от нее взгляд. Лиан была слишком выбита из колеи, чтобы контролировать таэбу, и боялась, что может навредить детенышам, если заговорит с ними напрямую.

– Так тут ж часов нигде нет. – Мальчишка развел руками. – Они только на Совиной площади. Почем ж мы знаем?

Куница коротко тявкнула, привлекая его внимание, и пару секунд они смотрели друг другу в глаза, безмолвно общаясь.

– А, ну да, – Пурук кивнул сам себе, – Омра говорит, что незадолго до рассвета, потому что звезды уже бледные были.

– За час где-то, – послышался сбоку тоненький голосок. Ми́тли в грязно-белом росчерке приняла человеческий облик, превратившись в худенькую девчушку со спутанными светлыми волосами. – Мой папаша как раз на работу проснулся, когда я домой пришла. Пока мы тут отсиделись-отдышались, – с некоторым пренебрежением присвоила она чужой испуг.

Старшие хеску переглянулись.

– Да, сутки еще не прошли. – Пип, распрямившись, кивнула Лиан. – Ты права, его еще можно спасти.

Детеныши с некоторым волнением взирали на старших, которые, казалось, уже забыли об их существовании. Когда Пурук коротко кашлянул, напоминая о себе, все трое обернулись на них с некоторым удивлением.

– Мы можем показать, – мальчишка по очереди переглянулся с подругами, – в какой стороне границы это было. Тут недалеко, а так вы нипочем не найдете!

Лиан, уже взявшая себя в руки, кивком отпустила Каро, вновь принявшего истинный облик, и обернулась к мангусту.

«Спасибо», – осторожно передала она, наполовину словом, наполовину импульсом благодарности. Шок от услышанного лишил ее концентрации, и правый глаз вновь стал черным. Увидев это, Пурук, так и сидящий на земле из боязни, что она его снова уронит, удивленно открыл рот:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.